СРЕДНИЕ ВЕКА

ТЕКСТЫ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ИНКОВ

ИНКА ГАРСИЛАСО ДЕ ЛА ВЕГА

ПЕРЕВОД: А.В. КУЗЬМИЩЕВ
КОММЕНТАРИИ: Ю.В. КНОРОЗОВ

Эпохи. Средние века. Тексты

Инка Гарсиласо де ла Вега

История государства инков

«АЛЬМА МАТЕР»

1609, 1617

УДК 94.8
ББК 63.3(7)

де ла Вега И.

История государства инков / И. де ла Вега — «АЛЬМА МАТЕР», 1609, 1617 — (Эпохи. Средние века. Тексты)

ISBN 978-5-98426-222-4

Империя инков — крупнейшее по площади и численности населения государство в Южной Америке в XI–XVI веках, одна из цивилизаций, уничтоженных в процессе завоевания Нового Света. «История государства инков» — главное произведение Инки Гарсиласо де ла Вега, свидетеля трагической гибели своего народа. Книга является одним из основных источников по истории этой потерянной империи. Произведение делится на 9 книг, которые, в свою очередь, разделены на небольшие главы. Несмотря на обилие приводимых легенд, подлинность большинства описаний в «Истории государства инков» признаётся исследователями. Автор рассказывает о достижениях инков в области административной системы, о гуманизме императоров инков, стойкости народа. В его рассуждениях заметно порицание испанцев, жестоко обращающихся с коренным населением Перу. Де ла Вега также выступает против дискриминации коренного населения Америки и беспощадной эксплуатации ее природных богатств. Это произведение рассматривается и как исходная точка развития перуанской испаноязычной литературы. Издание будет интересно студентам и преподавателям исторических, антропологических, политологических, культурологических специальностей вузов, а также всем интересующимся историей цивилизаций Нового Света. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94.8
ББК 63.3(7)

ISBN 978-5-98426-222-4

© де ла Вега И., 1609, 1617
© АЛЬМА МАТЕР, 1609, 1617

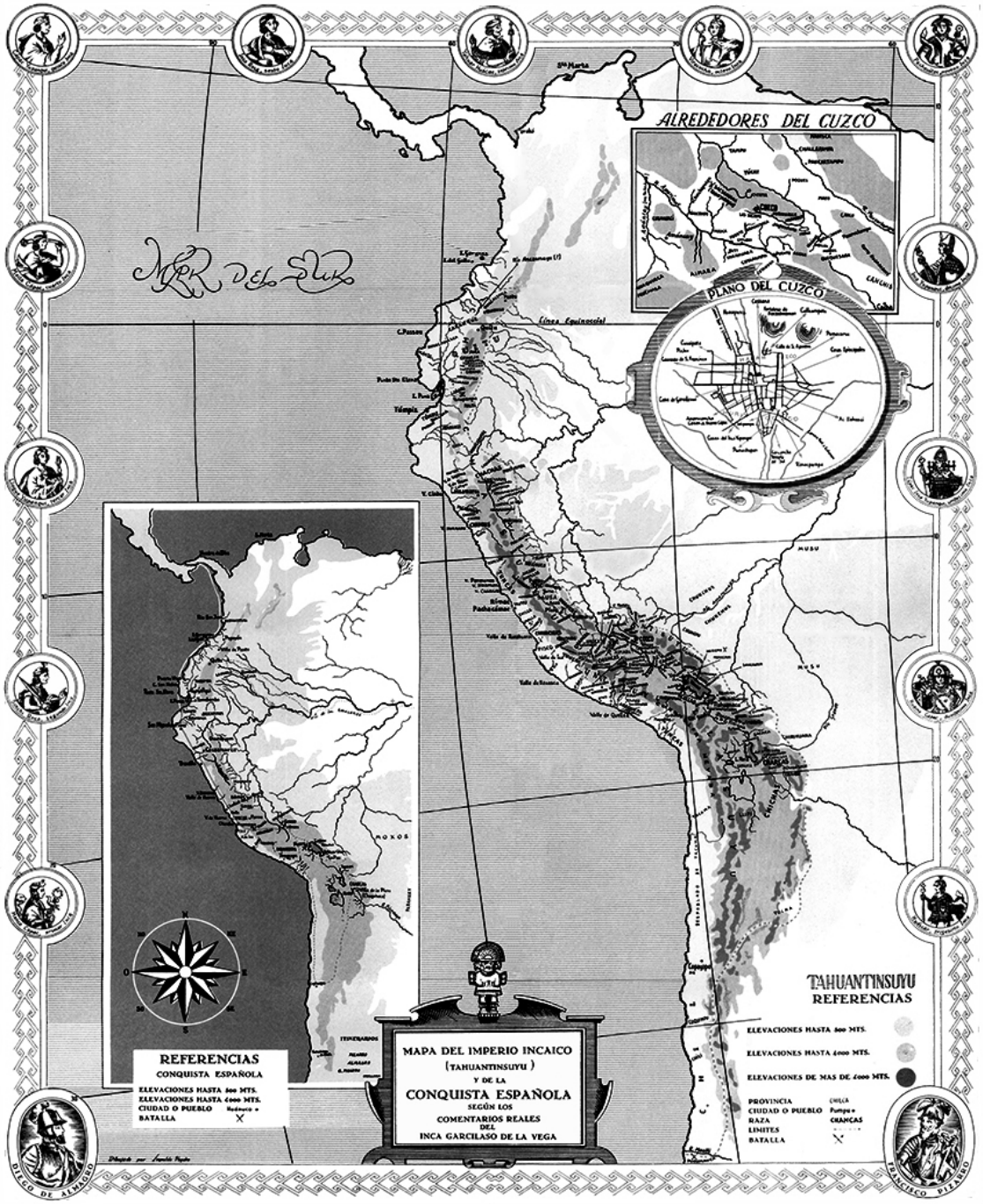
Содержание

Первая часть 8
Предисловие для читателя 10
Замечания относительно всеобщего языка индейцев Перу 11
Книга первая 14
Глава I. Существует ли много миров. Речь идет о пяти зонах 14
Глава II. Существуют ли антиподы 16
Глава III. Как был открыт Новый Свет 17
Глава IV. Возникновение названия Перу 19
Глава V. Авторитеты в подтверждение [происхождения] названия Перу 21
Глава VI. Что говорит один автор относительно названия Перу 23
Глава VII. О других дедукциях новых названий 25
Глава VIII. Описание Перу 27
Глава IX. Идолопоклонство и боги, которым они поклонялись до инков 30
Глава X. О другом великом разнообразии богов, которых они имели 31
Глава XI. Какие формы жертвоприношений они употребляли 32
Глава XII. Жилище и правление древних [людей] и то, что они ели 34
Глава XIII. Как одевались в ту древность 36
Глава XIV. Различные браки и различные языки. 37
Глава XV. Происхождение инков, королей Перу 39
Глава XVI. Основание Коско, имперского города 42
Глава XVII. Что покорил первый инка Манко Капак 46
Глава XVIII. Две исторические легенды о происхождении инков 47
Глава XIX. Торжественное заявление автора по поводу [настоящей] Истории 49
Глава XX. Селения, которые приказал заселить первый инка 51
Глава XXI. Чему обучал инка своих вассалов 52
Глава XXII. Знаки милости, которыми инка удостоил своих вассалов 54
Глава XXIII. Другие еще более милостивые знаки отличия, [связанные] с именем инки 56
Глава XXIV. Имена и прозвища, которые индейцы присвоили своему королю 58
Глава XXV. Завещание и смерть инки Манко Капака 59
Глава XXVI. Королевские имена и их значение 61
Книга вторая 63
Глава I. Идолопоклонство второго периода времени и его происхождение 63
Глава II. Инки следовали подлинному богу, нашему господину 67
Глава III. У инков был крест в священном месте 70
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Инка Гарсиласо де ла Вега
История государства инков

© Кузьмищев В. А., перевод, 1974
© Кнорозов Ю. В., примеч., 1974
© Кнорозов Ю. В., наследники, 2023
© Издательская группа «Альма Матер», оригинал-макет, оформление, 2023
© «Гаудеамус», 2023

* * *



Государство инков Тавантин-суйу и испанское завоевание, по данным Инки Гарсиласо де ла Вега

(составлено Леопольдо Пейдро, масштаб 1:10 000 000)

Первая часть подлинных комментариев, *рассказывающих о происхождении инков, которые были королями Перу, об их идоло-поклонстве, законах и правлении на войне и в мире; об их жизни и завоеваниях и обо всем том, чем была та империя и их государство до того, как пришли в нее испанцы*

Они написаны Инкой Гарсиласо де ла Вега,
уроженцем Коско и капитаном его величества

Посвящаются яснейшей принцессе
донье Каталине Португальской,
герцогине Браганской и т. д.

Пропущено с разрешения святой инквизиции,
судьи первой инстанции
в Лиссабоне
в конторе Педро Красбеека
[напечатано]
Год MDCIX

PRIMERA PARTE DE LOS

COMMENTARIOS REALES,

QVE TRATAN DEL ORIGEN DE LOS YNCAS, REYES QVE FVERON DEL PERV, DE SV IDOLATRIA, LEYES, Y gouierno en paz y en guerra: de ſus vidas y conquiſtas, y de todo lo que fue aquel Imperio y ſu Republica, antes que los Eſpañoles paſſaran a el.

Eſcritos por el Ynca Garcilaſſo de la Vega, natural del Cozco, y Capitan de ſu Mageſtad.

DIRIGIDOS A LA SERENISSIMA PRINceſa Doña Catalina de Portugal, Duqueza de Bargança, &c.

Con licencia de la Sancta Inquiſicion, Ordinario, y Paço.

EN LISBOA:
En la officina de Pedro Crasbeeck.
Año de M. DCIX.

Рис. 1. Титульный лист (1-е издание, Лиссабон, 1609)

Предисловие для читателя

11

Хотя и были любознательные испанцы, описавшие государства (repúblicas) Нового Света, подобные тем, которые имелись в Мексике, и в Перу, и в других королевствах того язычества, [однако] они не дали [достаточно] полного сообщения, которое можно было бы написать о них, что я, в частности, обнаружил в написанном о Перу, поскольку я, как уроженец города Коско, который был вторым Римом в этой империи, имел о нем куда более обширные и ясные познания, чем то, что до настоящего времени сообщили [испанские] писатели. Правда, они упоминают многие из великих дел того государства, но пишут о них столь кратко, что даже я плохо понимаю самые замечательные из них; причиной тому форма, в которой они изложены. Поэтому моя естественная любовь к родине принуждает меня посвятить себя написанию настоящих *Комментариев*, в которых ясно и четко будут видны дела, имевшие место в том государстве до [прихода] испанцев, как в обрядах его никчемной религии, так и в правлении его королей в мире и на войне, а также все остальное, что можно рассказать об этих индейцах, начиная от самых малозначимых поступков вассалов, кончая высочайшими деяниями королевской короны. Мы будем писать только об империи инков, не касаясь других монархий, ибо я не располагаю о них такими же сведениями, как об этой [стране]. В изложении истории мы будем стремиться к правде и не назовем что-либо великим делом, если это не подтвердили своим авторитетом сами испанские историки, затронув этот вопрос частично или полностью: я стремлюсь не противоречить, а только помочь им объяснениями, толкованием и переводом многих индейских слов, значение которых они, будучи иностранцами, передали искаженно, с чем не раз можно встретиться по ходу изложения истории, которую я отдаю любви тех, кто прочтет ее, движимый лишь одним желанием служить христианскому государству, чтобы воздать хвалу нашему Господу Иисусу Христу и Деве Марии, его родительнице, благодаря достоинству и заступничеству которых [его] вечное величество снизошел до спасения из пропасти язычества стольких и стольких великих народов (nasciones), приведя их в лоно своей римской католической церкви, нашей матери и госпожи. Я надеюсь, что ее воспримут с тем же благонамерением, с каким я предлагаю ее; это будет соответствовать моей доброй воле, хотя труд мой не достоин того. В двух других книгах будет рассказано о том, какие события случились между испанцами на той моей земле вплоть до 1560 года, когда я покинул ее. Мы хотели бы видеть их уже законченными, чтобы преподнести в дар [читателю] так же, как и эти [книги]. Господь наш и т. д.

---

[1] Поясняющие текст авторов XVI в. слова, добавленные переводчиком, помещены в квадратных скобках, оригинальное авторское написание испанских слов – в круглых скобках. Имена и названия приводятся в том варианте, который дает Гарсиласо и цитируемые им авторы. Индейские слова выделены курсивом самим Гарсиласо. Краткие пояснения к встречающимся в тексте испанским и индейским терминам, именам, географическим и этническим названиям даны в указателях.

[1] Поясняющие текст авторов XVI в. слова, добавленные переводчиком, помещены в квадратных скобках, оригинальное авторское написание испанских слов – в круглых скобках. Имена и названия приводятся в том варианте, который дает Гарсиласо и цитируемые им авторы. Индейские слова выделены курсивом самим Гарсиласо. Краткие пояснения к встречающимся в тексте испанским и индейским терминам, именам, географическим и этническим названиям даны в указателях.

Замечания относительно всеобщего языка индейцев Перу

Чтобы лучше понять то, что будет с божьей помощью написано нами в настоящей истории, ибо нам придется употреблять многие из слов кечва, всеобщего языка индейцев Перу, было бы хорошо дать о нем некоторые разъяснения. Первое из них состоит в том, что ему свойственны три различные манеры произношения некоторых слогов, существенно отличающиеся от испанского произношения, в то время как [именно] от произношения зависит значение одного и того же слова, ибо некоторые из слогов произносятся губами, другие – ртом, другие – внутри гортани; в дальнейшем при случае мы приведем такие примеры. Необходимо заметить, что для правильного воспроизведения произношения следует знать, что ударение почти всегда падает на предпоследний слог и в редких случаях на предпоследний и никогда на последний и сообщается это не для того, чтобы опровергнуть тех, кто говорит, что у варваров ударение падает на последний слог, ибо они говорят так потому, что не знают языка. Необходимо также заметить, что во всеобщем языке Коско (я говорю о нем, а не о языках каждой из провинций, количество которых неисчислимо) отсутствуют следующие буквы: b, d, f, g, j, l простое, но не ll двойное, хотя двойное rr, наоборот, не употребляется в начале и в средине слога, а произносится оно всегда как простое. Нет также x; таким образом, недостает всего шести букв испанского или кастильского алфавита, ну а если прибавить к ним простое l и двойное rr, их будет тогда восемь: испанцы добавляют указанные буквы и этим коверкают и искажают язык; а так как индейцам они неизвестны, то индейцы часто плохо выговаривают испанские слова, содержащие эти буквы. Чтобы избежать подобных искажений и поскольку я – индеец, я позволю себе в настоящей *Истории* писать так, как писал бы индеец, употребляя те из букв, которые необходимы для написания каждого слова; и пусть тот, кто прочтет их и увидит настоящие нововведения, направленные против принятого неверного произношения, воспримет их с добрыми чувствами, ибо прежде всего он будет иметь удовольствие прочесть эти имена в их подлинном и чистом звучании. А так как мне желательно делать ссылки на многое из того, о чем говорят испанские историки, для подтверждения того, что говорю и я сам, мне придется воспроизводить их [тексты] дословно с теми искажениями, которые они допускают; мне хочется предупредить, что, когда я пишу буквы (о которых упоминал) и которых нет в этом языке, я тем самым не противоречу сам себе, а лишь точно воспроизвожу то, что пишет испанец. Следует также заметить, что во всеобщем языке нет множественного числа, хотя имеются приставки, означающие множественность. Они пользуются единственным числом в обоих числовых случаях. Если какое-либо индейское слово я ставлю во множественном числе, – это результат испанского искажения или стремления произнести его хорошо, ибо написанное по-индейски в единственном числе оно прозвучало бы плохо с испанскими прилагательными и местоимениями во множественном числе. Язык этот имеет и многие другие особенности, крайне отличные от кастильского, итальянского и латинского языков; любознательные метисы и креолы подметят это, так как они свойственны их языку; а я так часто указываю здесь, в Испании, на эти основы их языка для того, чтобы они сохранили его в чистоте, ибо воистину была бы достойна сожаления утрата или искажение этого, столь элегантного языка, над которым так много поработали отцы ордена иезуитов (как и других орденов), чтобы научиться хорошо говорить на нем и своим хорошим примером (в этом самое главное) так много послужить обращенным в христианство индейцам. Также следует заметить, что это слово *сосед* (vezino) в Перу понималось как испанец, который владел репартимьентами индейцев, и в этом смысле мы будем пользоваться им всякий раз, когда представится для этого случай. Точно так же необходимо заметить, что в мои времена, т. е. до 1560 года и еще двадцать лет спустя, на моей земле не было чеканных монет – вместо них испанцы при покупках и при продаже отвешивали марки и унции серебра и золота; и как в Испании говорят дукаты, так в Перу говорили песо или касте-

льяно: каждое песо серебра или золота высшей пробы (reducida a buena ley) стоило четыреста пятьдесят мараведи. Таким образом, если песо перевести в кастильские дукаты, то получалось, что пять песо равнялись шести дукатам. Мы говорим об этом, чтобы в настоящей *Истории* не возникла бы путаница с песо и дукатами. По весу песо серебра, как и в Испании, весьма отличалось от песо золота, однако их стоимость была одной и той же. При обмене серебра на золото выплачивался определенный процент прибыли. Прибыльный процент выплачивался также при обмене пробированного серебра на так называемое обычное серебро; это делалось за пробу.

Слово *гальпон* не из всеобщего языка Перу; должно быть, оно [пришло] с островов Барловенто: испанцы ввели его вместе со многими другими словами, с которыми мы столкнемся в *Истории.* Оно означает *большой зал.* Короли инки имели столь огромные залы, что они служили ареной для празднеств в период дождливой погоды, когда празднества нельзя было устраивать на площадях; и на этом хватит замечаний.

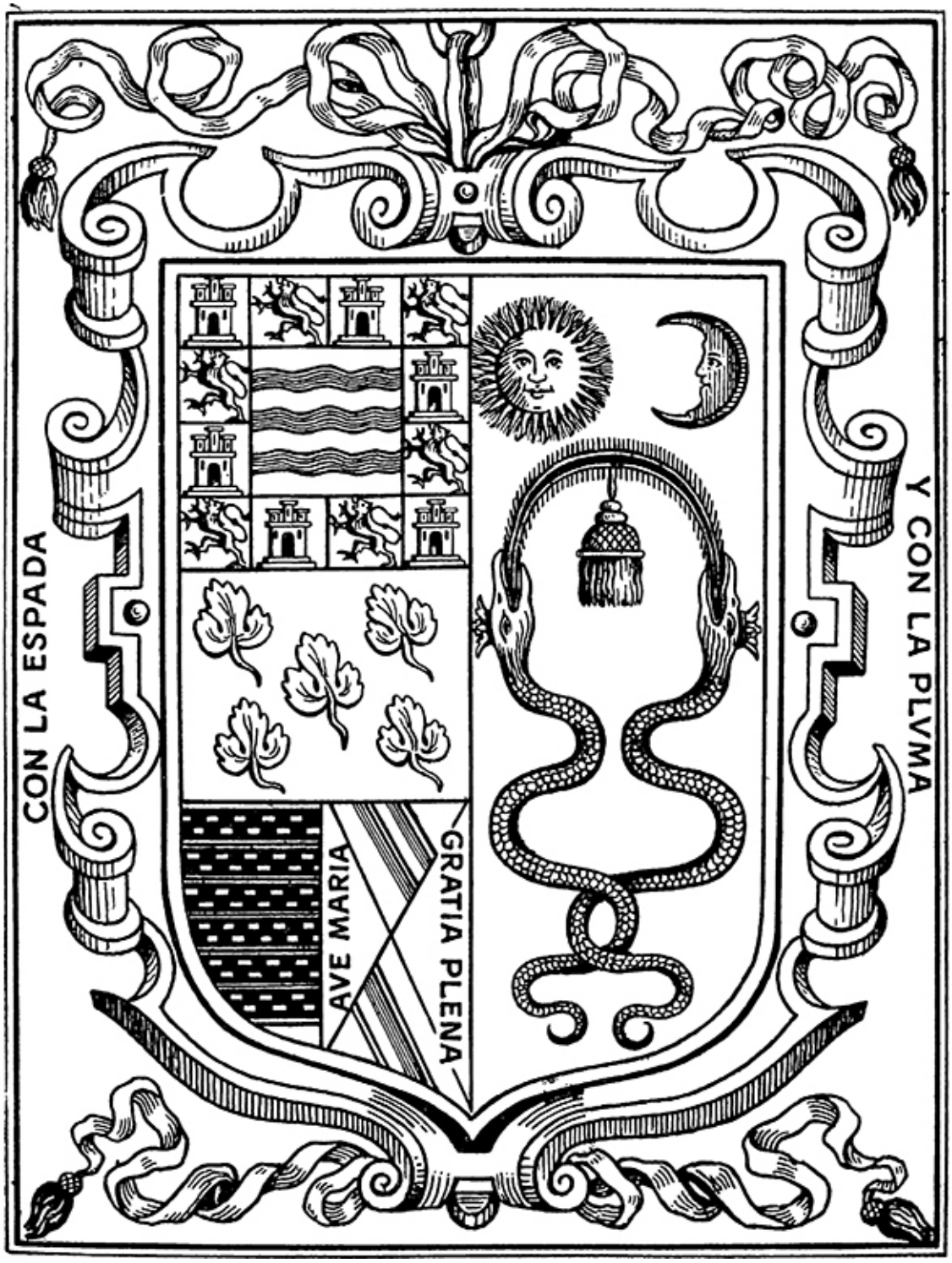


Рис. 2. «Со шпагой и пером». Герб Гарсиласо де ла Вега (1-е издание, Лиссабон, 1609)

Книга первая подлинных комментариев инков, *в которой говорится об открытии Нового Света происхождении слова Перу, идолопоклонстве и образе жизни до королей инков, об их происхождении, о жизни первого инки и о том, что сделал он со своими первыми вассалами, и о значении королевских имен. Она содержит XXVI глав*

Глава I. Существует ли много миров. Речь идет о пяти зонах

Поскольку речь пойдет о Новом Свете или о его лучшей и главнейшей части, которую образуют королевства и провинции империи, именуемой Перу, о древности и о происхождении королей которой мы претендуем написать, нам кажется, что было бы справедливо, следуя принятому у писателей обычаю, вначале затронуть здесь вопрос о том, является ли мир единым целым или существует множество миров, плоский ли он или круглый, а также круглое ли небо или плоское. Обитаема ли вся земля или только [ее] умеренные зоны; существуют ли проходы из одной умеренной зоны в другую; существуют ли антиподы и каковы они; какие из них и какие иные схожие явления весьма подробно и внимательно рассматривали античные философы, а современные не перестают обсуждать и описывать, придерживаясь той точки зрения, которая каждому из них наиболее близка. Но главная моя задача заключается не в этом – к тому же не по силам индейцу брать на себя так много – и, кроме того, тот опыт, который был приобретен после открытия того, что [ныне] принято называть Новым Светом, устраняет для нас большую часть названных сомнений, и мы лишь слегка коснемся их, прежде чем перейдем к другой теме, ибо иначе я боюсь, что не успею изложить ее до конца; однако, веря в бесконечное милосердие, я заявляю, что в отношении первого можно утверждать, что существует лишь единый мир, и, хотя мы говорим Старый Свет и Новый Свет, происходит это лишь потому, что последний был заново открыт для нас, а не потому, что существуют два мира: мир – един. Не следует возражать тем, кто продолжает воображать, что существует множество миров; пусть они остаются при своем еретическом заблуждении, от которого они освободятся в аду. Ну а тех, кто сомневается, – если найдется хоть один такой, – плоская или круглая земля, их необходимо убедить свидетельством тех, кто объехал вокруг всей земли или ее большей части, как, [например], те, кто плыл на корабле [Магеллана] *Виктория*, и других, которые уже позже обогнули ее. Что же касается неба, а именно: плоское оно или круглое, то на это можно ответить словами вещего пророка: «Extendens coelum sicut pellem», в которых он хотел раскрыть нам форму и строение сотворенного, показывая одно в сравнении с другим и утверждая: «Растянулось небо подобно коже», что означает, что оно покрыло сплошь огромное тело из четырех элементов, как кожа покрывает все тело животного, не ограничиваясь лишь главными его частями, а закрывая все, вплоть до самых мельчайших частиц. Тем же, кто утверждает, что из пяти частей земли, называемых зонами, обитаемы лишь две умеренные, а средняя из-за

избытка жары и две крайние части из-за слишком сильных холодов необитаемы и что из одной обитаемой зоны невозможно перейти в другую обитаемую зону из-за чрезмерной жары в середине, я, помимо того, что уже известно всем, могу добавить, что я родился в Жаркой зоне, в которой лежит Коско, и рос там до двадцати лет, и побывал в другой, умеренной зоне по другую сторону Тропика Козерога – по его южную сторону – у самых дальних оконечностей Лос-Чаркас, каковыми являются Лос-Чичас; а для того чтобы приехать в другую умеренную зону, расположенную в северной части, где я сейчас пишу, я пересек Жаркую зону и пересек ее всю целиком, находясь три полных дня под линией экватора, где, как говорят, он проходит перпендикулярно, а именно у мыса Пасау, и как следствие всего этого я заявляю, что Жаркая зона обитаема, так же как и умеренные. О холодных зонах я хотел бы тоже говорить как очевидец [но я там не был и], поэтому уступаю место тем, кто их знает лучше, чем я. А тем, кто говорит, что из-за сильных холодов они необитаемы, я дерзну сказать, что ведь населены же противоположные по своему характеру места, как и все другие [части земли]; поэтому не будет плодом воображения, а скорее уверенности [считать], что не мог господь сделать непригодными такие огромные части земли, сотворяя все для того, чтобы мог жить человек; и что обманывают себя люди древности (antiguos) тем, что говорят о холодных зонах, точно так же, как и тем, что они говорили о Жаркой зоне, а именно, что она необитаема из-за своей сильной жары. Можно скорее поверить в то, что господь, как всемогущий и мудрый отец, и природа, как благочестивая и всеобъемлющая мать, неудобства холода устранили бы мягкостью жары, подобно тому как они умерили излишний зной Жаркой зоны столькими снежными вершинами, родниками, реками и озерами, расположенными в Перу, превратив ее в умеренную [зону] с необычайно разнообразной погодой. Одни из районов [этой зоны] устремлены вниз, к жаре, к еще большей жаре; они опускаются так низко, и по этой причине в них стоит такая жара, что они становятся почти необитаемы, как об этом говорили люди древности. Другие районы устремлены к холоду, к еще большему холоду; они достигают такой высоты, что становятся также необитаемы из-за сильного холода от покрывающих их вечных снегов, что находится в противоречии с тем, что философы говорили об этой Жаркой зоне; они даже не представляли себе, что в ней можно встретить снег, причем вечный снег, находящийся прямо под самой экваториальной линией и никогда и нисколько не уменьшающийся, по крайней мере в огромных кордильерах, исключая их склоны и ущелья. Необходимо знать, что в той части Жаркой зоны, которая приходится на Перу, наличие жары и холода зависит не от расстояния между районами, не от того, как близко или как далеко находятся они от линии экватора, а от того, как высоко или как низко расположены они хотя бы и в одном и том же районе, зачастую даже совсем рядом, о чем дальше будет сказано подробнее. Я говорю, что по аналогии с этим можно предположить, что и холодные зоны имеют умеренные районы и могут быть обитаемы, как об этом говорят многие серьезные авторы, хотя и не на основе опыта или увиденного; однако достаточно и того, что именно так дал понять бог, когда он создал человека и сказал ему: «Расти и размножайся, заполни землю и покори ее себе»; куда ни бросишь взгляд – она обитаема, ибо, если бы это было не так, ее нельзя было бы покорить и заселить. Я надеюсь, что в своем всемогуществе со временем он раскроет эти тайны (как был открыт Новый Свет) для великого смущения и посрамления тех, кто пытается своими естественными философиями и человеческими понятиями ограничить силу и мудрость бога, который будто бы не может творить свои дела иначе, как они могут себе их представить, хотя знание одного и другого так же различны, как конечное и бесконечное. И т. д.

Глава II. Существуют ли антиподы

На вопрос о том, существуют ли антиподы или их нет, можно ответить, что, поскольку земля круглая (как это общеизвестно), они несомненно существуют. Однако для себя я считаю, что, коль скоро этот менее благоприятный мир полностью не открыт для нас, невозможно точно знать, какие именно провинции являются по отношению друг к другу антиподами, как это утверждают некоторые [авторы]; этот [вопрос] можно скорее решить относительно неба, нежели относительно земли, путем противопоставления один другому полюсов или востока западу, вне зависимости от месторасположения линии экватора. Точно так же невозможно с достоверностью сказать, как попало туда столько народу, со столь различными языками и обычаями, сколько их было обнаружено в Новом Свете, ибо если говорят, что [люди попали туда] морем на кораблях, то возникают нелепости в отношении находящихся там животных; спрашивается, каким образом или зачем их взяли на корабль, если некоторые из них скорее вредные, нежели полезные? Утверждение же, что [люди] смогли прийти [в Новый Свет] по земле, порождает еще большие нелепости, ибо тогда нужно спросить, почему они привели с собой животных, которые там были домашними, и не взяли тех, которые остались и которых позднее привезли туда [испанцы]? Если же это произошло потому, что они не могли взять с собой столько животных, то почему тогда здесь не остались те животные, которых они взяли с собой? То же самое можно сказать и о [тамошних] злаках, овощах и фруктах, столь отличных от местных [европейских], что по справедливости назвали [тот материк] Новым Светом, ибо он во всем [именно] такой; это относится к ручным и диким животным, и к пище, и к людям, которые, как правило, безбородые и лишены растительности на лице (lampiños); а так как в познании этих, столь сомнительных вещей можно загубить много труда, я оставлю их, ибо обладаю меньшими, чем другие, способностями для их исследования; я коснусь лишь происхождения королей инков и их наследников, их завоеваний, законов и правления в мире и на войне; но, прежде чем начать повествование об этом, будет полезно рассказать о том, как был открыт этот Новый Свет, а потом мы особо коснемся Перу.

Глава III. Как был открыт Новый Свет

Примерно в году тысяча четыреста восемьдесят четвертом, более или менее, один лоцман из местечка Уэльва, графство Ньебла, по имени Алонсо Санчес из Уэльвы, владел небольшим кораблем, на котором он перевозил из Испании на Канарские острова кой-какие товары, хорошо продававшиеся там; а на Канарских островах он грузил местные фрукты и вез их на остров Мадера, а оттуда возвращался в Испанию с грузом сахара и варенья. Плавая по этому своему треугольному торговому маршруту и направляясь с Канарских островов к острову Мадера, он был застигнут таким сильным грозовым штормом, что, не имея возможности оказать ему сопротивление, он отдался шторму и проплыл двадцать восемь или двадцать девять дней, не ведая, откуда и куда он плывет, потому что все это время он не мог определить высоту ни по солнцу, ни по звездам. Люди на корабле страдали от непосильного труда во время шторма, ибо он не давал им ни есть, ни спать; наконец, после долгого времени, ветер утих, и они обнаружили, что находятся рядом с каким-то островом, точно неизвестно каким, хотя предполагается, что это был остров, который сейчас называют Санто-Доминго; и многое говорит о том, что ветер, который с такой силой и с таким штормом нес тот корабль, был не чем иным, как [восточным ветром] *солано*, который зовут *лэсте*, потому что остров Санто-Доминго расположен на запад от Канарских островов; до того путешествия ветер этот скорее успокаивал бури, а не поднимал их. Однако, когда господь всемогущий хочет ниспослать милосердие, он извлекает самое таинственное и нужное из того, что противоположно [самому] существу содеянного, как он, [например], извлек воду из камня или вернул слепому зрение, положив на глаза грязь, чтобы всем было бы ясно, что сие – деяния божественного сострадания и доброты; и он [поступил] точно так же, подарив свое сострадание и послав свое евангелие и праведный свет всему Новому Свету, который так в них нуждался; ибо [индейцы] жили или, лучше сказать, влачили свое существование во мраке язычества и идолопоклонства, а сколь варварским и зверским оно было, мы увидели в [ходе] повествования истории. Лоцман сошел на землю, взял воду и подробно записал все то, что увидел и что случилось с ним, когда он плыл туда и обратно, а взяв воду и продовольствие [leña], он вслепую пустился в обратный путь, не зная дороги как туда, так и обратно, в связи с чем прошло больше времени, чем он мог плыть, и из-за задержки в пути у них кончились вода и провиант; по причине этого и огромных усилий, которых им стоило плавание туда и обратно, [люди] начали так болеть и умирать, что из десяти и семи человек, которые отплыли из Испании, достигли третьего [пункта вышеописанного торгового маршрута] только пятеро, среди которых был лоцман Антонио Санчес из Уэльвы. Они остановились в доме знаменитого Христофора Колумба, генуэзца, потому что знали его как великого лоцмана и космографа, который составлял карты для мореплавания. Он принял их с большой любовью и одарил всем, чем мог, когда узнал то, что стряслось с ними во время столь долгого и необычного кораблекрушения (naufragio), которое, как они говорили, им пришлось перетерпеть. И так как прибыли они измученные перенесенным в прошлом трудом, сколько ни одаривал их Христофор Колумб, они не пришли в себя и умерли все у него дома, оставив ему в наследство труды, которые принесли им смерть и которые взялся завершить великий Колумб с таким энтузиазмом и силой, что, если бы ему пришлось перенести такие же страдания или даже большие, он [все равно] предпринял бы это дело, чтобы передать Испании Новый Свет и его богатства, написав в геральдике своего герба: «И Кастилии и Леону отдал Новый свет Колон»[2]. Тот, кто хочет увидеть великие подвиги этого мужа, пусть

[2] Колон – испанский вариант фамилии Колумба. Упомянутой Гарсиласо надписи в гербе Колумба не было (как известно, сам он отнюдь не считал открытые им земли Новым Светом). Ходившие среди конкистадоров слухи об открытии Америки неким Алонсо Санчесом объясняются, вероятно, тем, что во время тяжбы между кастильской короной и наследниками Колумба (1510–1550) королевские чиновники всячески старались приписать честь открытия заморских земель не Колумбу,

прочтет *Всеобщую историю Индий*, написанную Франсиско Лопесом де Гóмара, которые он там найдет, правда, в сокращенном виде; однако возвеличивает и восхваляет этого известного среди известных само его дело завоевания и открытия. Я хотел добавить [лишь] то немногое, чего недоставало в сообщении этого старого историка, поскольку он писал вдали от мест, где случились эти дела, а [свои] сообщения он черпал от проезжих людей; ему говорили о многом из того, что там происходило, однако не всегда эти [сообщения] были совершенны, а я на моей земле обо всем этом слышал от моего отца и его сверстников, а в те времена для них самым частым и обычным разговором был пересказ наиболее выдающихся подвигов, которые случались в их конкистах, они сообщали в них о том, что мы [сейчас] рассказали и что еще в дальнейшем расскажем, а поскольку они застали там многих из первых открывателей и конкистадоров Нового Света, они знали от них самые подробные сообщения о подобных делах, и я, как я уже говорил, слушал их [эти сообщения] от взрослых, но слишком невнимательно (как ребенок), ибо если бы тогда я был внимателен, то смог бы сейчас написать о многих других достойных восхищения делах, которые необходимо [включить] в настоящую *Историю*; я же расскажу лишь о тех из них, которые сохранила память, испытывая боль по тем, которые утрачены. Весьма уважаемый отец Хосеф де Акоста также касается этой истории открытия Нового Света, выражая сожаление о том, что не может дать ее полностью, ибо у его преподобия также не было полного сообщения по данному периоду, как и по другим, более поздним [периодам], потому что, когда его преподобие попал в те места, уже не было больше старых конкистадоров, о чем он говорит в первой книге, в главе девятнадцатой, следующими словами: «Поскольку доказано (mostrado), что нет пути, чтобы полагать, что первые обитатели Индий прибыли туда на кораблях, специально сделанных для этой цели, было бы правильно считать, что если они и прибыли туда морем, то [произошло это] случайно и они достигли Индий благодаря сильным бурям, что не является невероятным, несмотря на то что море Океан там огромно. Ибо именно так случилось при открытии [Нового Света] в наши времена, когда тот моряк (имени которого мы пока еще не знаем, а столь великое дело не может быть приписано какому-нибудь творцу, кроме как богу), который из-за ужасной и так некстати разыгравшейся бури обследовал Новый Свет [и] заплатил Христофору Колумбу за доброе гостеприимство сообщением о столь великом деле. Так могло случиться», и т. д. Досюда мы дословно привели [текст] отца учителя Акосты, который свидетельствует, что его преподобие познакомился в Перу с частью [известного] нам сообщения, хотя и не со всем им полностью, но с самым главным из него. Таково было первое начало и происхождение открытия Нового Света, величием которого могло гордиться маленькое местечко Уэльва, вырастившее такого сына, убедившись в достоверности сообщения которого Христофор Колумб проявил столько настойчивости в своем прошении [к испанской короне], обещая ей вещи, которые никто до этого не видел и о которых никто не слышал; сохраняя при этом тайну, как благоразумный человек, он, однако, доверительно сообщил о ней нескольким очень авторитетным лицам, приближенным католических королей; они помогли ему начать свое предприятие, которое без того сообщения, переданного ему Алонсо Санчесом из Уэльвы, на основе только одного его космографического воображения, не могло бы сулить ему так много и так достоверно точно, как он обещал, ни столь быстро приступить к осуществлению своего открытия, ибо, согласно тому автору, Колумб только за шестьдесят и восемь дней пути достиг острова Гуанатианико, с остановкой на несколько дней в Гомера для обновления запасов; если бы из сообщения Алонсо Санчеса он не знал, каким направлениям нужно следовать в столь огромном море, было бы почти чудом добраться туда за столь короткое время.

а иным лицам (Путешествия Христофора Колумба. М., 1956; Свет Я. Колумб. М., 1973).

Глава IV. Возникновение названия Перу

Поскольку мы будем рассказывать о Перу, было бы правильно сказать здесь о том, как возникло это название, так как его нет в языке индейцев; для этого следует знать, что Море Юга было открыто дворянином Васко Нуньесом де Бальбоа, уроженцем Хереса де Бадахос, в тысяча пятьсот тринадцатом году, который стал первым испанцем, открывшим и увидевшим его; католические короли дали ему титул аделантадо того моря, с [правом] завоевывать и управлять королевствами, которые на нем могут быть открыты. За те немногие годы, которые он прожил после этой милости (пока его собственный тесть, губернатор Педро Ариас де Авила, вместо многих милостей, которых он был достоин и которые причитались ему за его подвиги, не отрубил ему голову), этот дворянин был озабочен желанием открывать и узнавать, что это за земля лежала от Панамы дальше на юг и как она называлась. С этой целью он построил три или четыре корабля, и, продолжая собирать все необходимое для открытий и завоеваний, он направлял их по одному в различные времена года для изучения того берега. Корабли по мере выполнения того, что они могли сделать, возвращались с сообщениями о многих землях, которые имелись на том берегу. Один из этих кораблей удалился дальше, чем другие, и прошел на юг на экваториальную линию, рядом с которой, плывя вдоль берега, как тогда плавали во время этих путешествий, [испанцы] увидели индейца, удившего рыбу в устье одной из многочисленных рек, впадавших в море на той земле. Испанцы с корабля со всей возможной осторожностью высадили на землю вдали от того места, где [находился] индеец, четырех испанцев, хороших бегунов и пловцов, чтобы он не ушел от них ни по земле, ни по воде. Сделав это, они проплыли на корабле прямо перед индейцем, чтобы он устремил на него свой взор и не заметил засаду, которую они ему подготовили. Индеец, увидя в море столь необычную вещь, никогда не виденную дотоле на том берегу, каким был плывущий под всеми парусами корабль, был страшно поражен; оцепенев и одурев, он думал о том, чем могло быть то, что он видел перед собой в море; и был он так зачарован и так поглощен этими мыслями, что тех, кто должен был его пленить, он заметил лишь тогда, когда они уже схватили его; и так его доставили на корабль при большом ликовании и торжестве всех [испанцев]. Испанцы обласкали индейца, чтобы он избавился от страха, охватившего его при виде их бород и столь необычной для него одежды; они знаками и словами спрашивали его, что это была за земля и как она называлась. Индеец по жестам и движениям, которые они показывали ему с помощью рук и лиц (словно немому), понимал, что они его спрашивают, но он не понимал, о чем именно они спрашивали его; а поняв, что его спрашивают, он поспешил ответить (пока ему не причинили зла) и назвал свое собственное имя, сказав *Беру*, и добавил еще одно [слово], и сказал *пелу*. Он хотел сказать: «Если вы спрашиваете, как меня зовут, я говорю *Беру*, а если вы спрашиваете, где я находился, я говорю, что был на реке»; ибо необходимо знать, что слово *пелу* на языке той провинции является нарицательным и означает река вообще, как мы потом это увидим у одного серьезного автора. В нашей *Истории Флориды*[3] [другой] индеец на подобный вопрос [испанцев] в ответ [назвал] им имя своего хозяина Бресос и Бредос, книга шестая, глава пятнадцатая, в которой я поместил этот рассказ в связи с другим случаем; теперь я изъял его оттуда, чтобы поставить на должное место. Христиане поняли его так, как это соответствовало их разумению, воображая, что индеец понял их и ответил им к месту, словно он и они разговаривали по-кастильски; и начиная с того времени, а был это год тысяча пятьсот пятнадцатый или шестнадцатый, ту богатейшую и великую империю стали звать *Перу*, исказив оба имени, как испанцы коверкают почти все слова, которые берут из языка индейцев той земли; потому что, если они взяли имя индейца Беру, они заменили *б* на *п*, а если слово *пелу*, что означает река, то они заменили *л*

[3] «Флорида» – написанная Гарсиласо де ла Вега история завоевания испанцами Флориды.

на *р*; так или иначе, но они сказали *Перу*. Другие, которые ради чванства хотят быть витиеватыми, – это [относится] к самым современным [историкам] – коверкают две буквы и в своих историях говорят *Пиру*. Самые старые историки, какими являются Педро де Сиеса де Леон, и казначей (contador) Агустин де Сарате, и Франсиско Лопес де Гомара, и Диего Фернандес, уроженец Паленсии, и даже весьма достопочтенный отец фрай Херонимо Роман, хотя он и принадлежит к современным [историкам], – все они называют ее *Перу*, а не *Пиру*; а так как та местность, где случилось это, доходила до границ земель, которые короли инки в этой части [континента] завоевали и подчинили своей империи, после стали называть [именем] *Перу* все то, что находится [на юг] от этого места, [называвшегося] Киту, вплоть до Чаркас, что составляло самую главную часть [земель], которыми инки повелевали, и составляло более семиста лиг в длину, хотя сама их империя доходила до Чили, что составляло еще пятьсот лиг дальше [на юг] и являлось еще одним богатым и плодороднейшим королевством.

Глава V. Авторитеты в подтверждение [происхождения] названия Перу

Таково начало и происхождение названия Перу, столь знаменитого в мире и знаменитого по праву; ибо Перу наполнило все золотом и серебром, жемчугом и драгоценными камнями; а поскольку это название было случайно присвоено [той империи] и хотя прошло уже семьдесят два года, как [испанцы] завоевали Перу, уста местных индейцев не произносят это слово, так как они никогда не называли этим именем [свою страну]; правда, при общении с испанцами они понимают, что оно означает, но сами не пользуются им, так как в их языке не было одного общего названия для обозначения всех королевств и провинций, которыми правили их прирожденные короли, как это имеет место, когда говорят Испания, Италия или Франция, что подразумевает многочисленные провинции, [из которых они состоят]. Они умели называть каждую из провинций своим собственным именем, как это много раз будет видно в изложении *Истории*; однако собственного имени, которое обозначало бы целиком все королевство, они не имели; они называли его *Тавантин-суйу*, что означает *четыре стороны света.* Слово Беру, как мы видим, было именем собственным одного индейца, и этим именем пользовались индейцы йунки с равнин и с морского побережья, но не те, что жили в горах; не относится оно и к всеобщему языку, ибо как и в Испании имеются имена и фамилии, сами показывающие, из какой они провинции, так это было и среди индейцев Перу. То, что это имя было присвоено испанцами, а у индейцев его вообще не было в их всеобщем языке, засвидетельствовал Педро де Сиеса де Леон в трех местах [своего труда]; в третьей главе, рассказывая об островах, называвшихся Горгона, он говорит: «Здесь находился маркиз дон Франсиско Писарро с тринадцатью испанцами христианами, своими товарищами, которые были открывателями той земли, которую мы зовем Перу», и т. д. В третьей главе он говорит: «В связи с чем необходимо, чтобы из Кито, где действительно начинается то, что мы зовем Перу», и т. д. Глава восемнадцатая говорит: «Из сообщений, которые нам дают индейцы из Куско, следует, что в прошлом был большой беспорядок во всех провинциях этого королевства, которое мы зовем Перу», и т. д. Повторять столько раз это выражение (termino) *мы называем* означает дать понять, что так называют испанцы, ибо он говорит так в разговорах с ними; а то, что индейцы не имели такого слова в своем всеобщем языке, я, будучи индейцем инкой, это подтверждаю. Это же самое и гораздо лучше говорит отец учитель Акоста в первой книге *Естественной Истории Индий*, третья глава, когда он с этой же целью пишет: «Весьма обычной привычкой в этих открытиях Нового Света было давать имена землям и портам благодаря возникавшим случайностям, и именно так считают, что было дано этому королевству имя Перу. Здесь распространено мнение, что река, у которой высадились вначале испанцы и которую местные жители называли Пиру, дала имя Пиру всей этой земле; и подтверждает это то, что индейцы, урожденные Перу, не пользуются и не знают такого названия своей земли», и т. д. Достаточно авторитета такого мужа, чтобы устыдить нововведения, которые потом были здесь изобретены в отношении этого имени, некоторых из которых мы коснемся дальше. А так как река, которую испанцы зовут Перу, находится в той же местности и очень близко от экваториальной линии, я рискнул утверждать, что факт пленения индейца именно на этой реке [послужил основанием для того], что как река, так и земля получили название от собственного имени индейца Беру или что нарицательное имя Пелу, которое для всех рек было общим, превратилось в имя личное и собственное, которым потом испанцы стали, в частности, называть здесь реку Перу, сохранив его только за ней.

Франсиско Лопес де Гомара в своей *Всеобщей Истории Индий*, говоря об открытии Юкатана, глава пятьдесят вторая, приводит два примера возникновения имен, очень похожих на то, что мы говорили о Перу, в связи с чем я привожу здесь то, что он говорит и что сейчас

последует: «Отплыл Франсиско Эрнандес де Кордова, и, поскольку погода не позволяла плыть к другому мысу или преднамеренно стремясь к открытию [новых земель], он добрался до неизвестной земли, до которой не доходили наши [люди]; там на мысу были расположены соляные копи; мыс же он назвал Женским[4], поскольку там были каменные башни со ступеньками и часовнями, покрытые деревом и соломой, на которых в языческом порядке стояло много идолов, похожих на женщин. Увидя каменные здания, испанцы пришли в восторг, так как до этого они их не встречали, как не встречали и людей, которые одевались бы так богато и блистательно: здесь они носили рубахи и накидки из белого хлопка и цветные, украшения из перьев, серьги, броши и драгоценности из золота и серебра, а женщины прикрывали грудь и голову. Он не остановился там, а направился к другому мысу, который назвал Коточе, где ему повстречалось несколько рыбаков, которые от страха или ужаса поплыли назад к берегу, а [на вопросы испанцев] отвечали *коточе, коточе*, что означает *дом*, так как они думали, что их спрашивали о селении (lugar), чтобы пойти туда. Отсюда и пристало это имя [Коточе] к мысу той земли. Еще немного дальше они повстречали каких-то мужчин, которые на вопрос, как называется большое селение, расположенное рядом, сказали *тектетан, тектетан*, что означает *я не понимаю тебя.* Испанцы подумали, что так называется селение, и, исковеркав слово, [стали] впредь называть его Юкатан, и никогда не отстанет от него это имя». Досюда слово в слово был [текст] Франсиско Лопес де Гомара; мы видим, что во многих других частях Индий случалось то же, что и в Перу, ибо открываемые земли [испанцы] называли тем первым словом, которое слышали от индейцев, когда, разговаривая с ними, спрашивали названия этих земель, и, не понимая значения слов, они воображали, что индеец отвечает как раз то, о чем его спрашивают, как будто бы все они говорили на одном и том же языке. И эта ошибка имела место во многих других делах того Нового Света, и особенно в нашей империи Перу, как это можно заметить во многих местах *Истории.*

[4] Эрнандес де Кордова высадился не на мысе, а на острове, где нашел храм со статуями богинь. Поэтому он назвал его «Остров Женщин».

Глава VI. Что говорит один автор относительно названия Перу

Помимо того что Педро де Сиеса и отец Хосеф Акоста и Гомара рассказывают относительно названия Перу, мне представляется возможность воспользоваться авторитетом другого выдающегося мужа, монаха из святого ордена иезуитов, именуемого отцом Блас Валера, который написал историю той империи на элегантнейшей латыни и мог написать ее на многих языках, ибо владел ими; однако, к несчастью для той моей земли, не заслужившей того, чтобы ее государство было бы описано такой рукой, его рукописи (papeles) оказались утеряны во время разрушения и ограбления Кадикса, учиненного англичанами в году тысяча пятьсот девяносто шестом; сам же он вскоре после этого умер. Я спас (huve) от разграбления реликвии – уцелевшие [части] его рукописи, чтобы пережить еще большую боль и сожаление о тех из них, которые оказались потеряны, о чем можно судить по найденным [частям]; но и сохранившееся оказалось так разрушено, что недостает самого значительного и лучшего; мне оказал эту милость отец учитель Педро Мальдонадо де Сааведра, родом из Севильи, из того же ордена, который в этот год тысяча шестисотый читал Библию (Escritura) в городе Кордова. Отец Валера говорит своей изящной латынью о появлении названия Перу то, что следует ниже и что я, как индеец, перевел на мой грубый испанский язык: «Королевство Перу, блестящее, знаменитое и очень большое; в нем имеется огромное количество золота и серебра и других дорогих металлов, изобилие которых породило поговорку, что, когда хотят сказать, что человек богат, говорят – он владеет Перу; это название было впервые присвоено испанцами той империи инков; название – присвоенное случайно, а не имя собственное, и потому ранее незнакомое индейцам; для них оно было столь чужим и непривычным, что никто из них не хотел им пользоваться – им пользовались только испанцы. Это новое [для страны] название не обозначает богатство или что-либо иное значительное; а так как оно было новым словом, также новым оно стало и для обозначения богатства, потому что породили его удачливые события (felicidad de los sucessos). Это название *Пелу* среди диких индейцев, которые обитают между Панамой и Вайакилем, является именем нарицательным, которое означает *река*; оно также является именем собственным некоего острова, который называют Пелуа или Пелу. А так как первые испанские завоеватели, плывя от Панамы, добрались до тех мест раньше, чем до других, и им так понравилось это имя Перу или Пелу, что они использовали его, как если бы оно обозначало что-то большое и значительное, для обозначения любой другой попадавшейся им вещи, как это случилось со всей империей инков, получившей название Перу. Многим не нравилось название Перу, и поэтому они стали называть ее Новой Кастилией. Эти два названия были присвоены тому великому королевству, и ими обычно пользуются королевские нотариусы и церковные писцы, хотя в Европе и в других королевствах отдают предпочтение названию Перу. Многие также утверждают, что оно произошло от названия *пирва*, которое является словом на [языке] индейцев кечва из Коско, что обозначает земляное хранилище для фруктов. Я с огромным удовольствием подтверждаю это утверждение, потому что в том королевстве индейцы имеют большое количество земляных хранилищ, где они хранят свои урожаи; по этой причине испанцам было просто пользоваться тем чужим названием и говорить Пирý, заменяя первую гласную и ставя ударение на последнем слоге. Это дважды нарицательное имя первые конкистадоры присвоили в качестве имени собственного империи, которую они завоевали; я, не делая различия, буду пользоваться им, произнося Перý или Пирý. Введение этого нового слова не следует отвергать из-за того, что оно было присвоено (usurparon) ими ошибочно и без общего согласия, ибо испанцы не встретили другого всеобщего и собственного имени для обозначения всего того района, потому что до [включения] в королевство инков каждая провинция, не проявляя ни внимания, ни уважения к другим районам, имела свое собственное название,

как то: Чарка, Кольа, Коско, Римак, Киту и многие другие; однако после того как инки подчинили своей империи все те царства, они называли империю согласно тому, как [назывались] завоеванные ими земли или покорившиеся и сдавшиеся им вассалы, пока наконец она не стала называться *Тавантин-суйу*, что значит *четыре стороны королевства*, или *Инкап Рунам*, что означает *вассалы инки.* Испанцы же, заметив разнообразие и путаницу в этих именах, своевременно и благоразумно назвали ее Перу, или Новая Кастилия», и т. д. Досюда из [рукописи] отца Блас Валера, который так же, как отец Акоста, говорит, что это название [Перу] было присвоено испанцами и что в языке индейцев его не было. Приводя то, что отец Блас Валера говорит, я заявляю, что более правдоподобно то, что присвоение имени Перу произошло от имени собственного Беру или нарицательного Пелу, которое на языке той провинции означает река, а не от названия *пирва*, которое означает земляное хранилище, ибо, как уже говорилось, его присвоили [люди] Васко Нуньеса де Бальбоа, которые не проникли в глубь материка (terra), где они могли получить сведения о названии *пирва*, и они не были конкистадорами Перу, ибо [еще] за пятнадцать лет до того, как они начали завоевание [этой империи], испанцы, жившие в Панаме, [уже] называли Перу всю ту землю, которая расположена от экваториальной линии на юг, что также подтверждает Франсиско Лопес де Гомара в *Истории Индий*, глава сто десятая, в которой он говорит следующие слова: «Некоторые говорят, что Бальбоа имел сообщения о том, что та земля Перу имела золото и изумруды; было ли это так или нет, но в Панаме ходила слава о Перу, когда Писарро и Альмагро снарядили [экспедицию], чтобы отправиться туда», и т. д. Досюда [взято] из Гомара и ясно свидетельствует, что присвоение имени Перу произошло гораздо раньше, чем [начался] поход конкистадоров, завоевавших ту империю.

Глава VII. О других дедукциях новых названий

Так как дедукция названия Перу была не единственной, мы скажем и о других подобных, возникших до и после этого [названия]; и, хотя мы скажем о них преждевременно, это не помешает нам, когда мы дойдем до соответствующего места [нашей *Истории*]; а первым из них будет название Пуэрто-Вьехо, потому что оно появилось вблизи того места, где возникло название Перу; для этого следует знать, что из Панамы до Сиудад-де-лос-Рейес было очень тяжело плыть из-за многочисленных течений в море и южного ветра, который дует все время вдоль того берега, в связи с чем корабли, чтобы совершить эти путешествия, были вынуждены выходить из порта одним бортом к ветру, [уходя] на тридцать или сорок лиг в море, чтобы другим бортом возвращаться к земле; и, [маневрируя] таким образом, они поднимались все дальше вдоль берега, чтобы плыть всегда по ветру, но, когда корабль плохо шел под парусами по ветру, случалось так, что он оказывался [не впереди], а сзади того места, от которого он отплыл, пока Франсиско Дрейк, англичанин, пройдя через пролив Магеллана в 1579 году, не показал лучший способ плавания, [заключавшийся] в удалении при бортовом ветре на двести или триста лиг в глубь моря, чего раньше не рисковали делать лоцманы, ибо неизвестно, отчего и почему, но по своей фантазии они верили и боялись, что на расстоянии в сто лиг от земли в море расположены громаднейшие штилевые [зоны], и, чтобы не попасть в них, они не рисковали далеко уплывать вглубь; от этого страха мог погибнуть наш корабль, на котором я плыл в Европу, потому что из-за бриза он продрейфовал до острова, именуемого Горгона, и мы боялись, что погибнем там по причине невозможности выбраться из той отвратительной бухты. Еще в начале завоевания Перу один корабль, плавая указанным нами способом, шесть или семь раз отплывал от берега и каждый раз возвращался в тот же самый порт, потому что он не мог в своем плавании подняться вверх [вдоль берега], и один из тех, кто на нем находился, раздраженный тем, что они никак не могут уплыть вперед, сказал: «Этот порт уже стар для нас», и после этого он стал называться Пуэрто-Вьехо [Старый порт]. И мыс Святой Елены, который расположен рядом с тем портом, был назван так, потому что его увидели в день [святой Елены]. Другая дедукция названия имела место намного раньше этих схожих, о которых мы рассказали; и было это в году тысяча пятисотом, когда, при плавании на корабле, который неизвестно кому принадлежал, то ли Висенте Яньес Писону, то ли Хуану де Солису – оба они удачливые капитаны, первооткрыватели новых земель, который шел на поиски новых земель (ибо испанцы тогда не занимались иными делами) в надежде обнаружить материк, потому что та [земля], которую они до этого открывали, была всего лишь теми островами, которые сегодня называются Барловенто, один матрос, находившийся на марсе, увидя высокую гору, называемую Капира, – она возвышается над городом Номбре-де-Диос, – крикнул (требуя вознаграждения за добрую весть у тех, кто был на корабле): «Клянусь именем господа, товарищи, я вижу Твердую Землю»; потом так и назвали *Номбре-де-Диос* [Именем господа] основанный там город, а тот берег – Твердая Земля [материк], и никакой другой [берег] не называют Твердая Земля, хотя он и является таковым, а только то место, где стоит Номбре-де-Диос, – [восклицание], превратившееся в его имя собственное. Десять лет спустя назвали Кастилья-де-Оро [Золотая Кастилия] ту провинцию из-за большого количества золота, которое там нашли, и из-за замка (castillo), который построил там Диего де Никуэса в году тысяча пятьсот десятом. Остров, существующий под именем Тринидад [Троица], который находится в Пресном Море, был назван так, потому что его открыли в день святой троицы. Город Картахена назвали так из-за его прекрасного порта, который был очень похож на порт испанского города Картахены, ибо первые [испанцы], увидевшие его, сказали, что этот порт так же хорош, как Картахенский. Остров Серрана, который находится по пути из Картахены в Гавану, назвали так по имени испанца Педро Серрано, корабль которого затонул недалеко оттуда, и только он один спасся вплавь,

так как был великолепнейшим пловцом, и добрался до того необитаемого и незаселенного острова, лишенного воды и продовольствия; Серрано прожил там семь лет благодаря своей ловкости и хорошей сноровке, [которые он проявил] при добыче воды, продовольствия и огня (об этом историческом случае, достойном огромного восхищения, мы, может быть, расскажем в другом месте); по его имени назвали Серрана тот остров, а Серранильей [Маленькой Серраной] – другой, расположенный рядом с первым, чтобы отличать их один от другого. Город Санто-Доминго, по имени которого стал так называться весь остров, был следующим образом основан и назван, как рассказывает Гомара, глава тридцать пятая, буквально этими словами: «Самым благородным селением является Санто-Доминго, которое было основано Бартоломе Колумбом на берегу реки Осама. Он дал ему это имя, потому что прибыл туда однажды в воскресенье (Domingo), в праздник святого Доминго, и потому что его отца звали Доминго. Таким образом произошло совпадение трех имен, что и побудило его назвать [селение] так», и т. д. Здесь кончается Гомара. Схожим образом были даны все остальные названия знаменитых селений (pueblos), и больших рек, и провинций, и королевств, которые были открыты в Новом Свете; они назывались по имени святого или святой, в день которых они были открыты, или по имени капитана солдат, лоцмана или моряка, который открыл их, как мы уже рассказали об этом в *истории Флориды*, когда коснулись ее описания и тех, кто отправлялся туда, – шестая книга, вслед за пятнадцатой главой, – следуя теме нашего рассказа; там я дал эти дедукции названий вместе с происхождением названия Перу, ибо я опасался, что моей жизни не хватит и я не успею написать то, что пишу сейчас; но бог своим милосердием продлил ее, и я счел необходимым изъять этот отрывок оттуда [из *истории Флориды*], чтобы поставить его здесь в надлежащем месте. Сейчас я опасаюсь, не похитил ли у меня какой-нибудь историк эти сведения, ибо та книга из-за моей занятости была без моего ведома отдана на отзыв (calificación), и мне известно, что она побывала во многих руках; помимо этого, меня многие спрашивали, знаю ли я происхождение названия Перу; и, хотя я хотел сохранить его [в тайне], я все же не смог отказать в этом некоторым моим сеньорам.

Глава VIII. Описание Перу

Следующие четыре конечных предела имела империя инков, когда испанцы пришли туда: на севере она доходила до реки Анкас-майу, протекающей вдоль границы между Киту и Пасту, что на всеобщем языке Перу означает *синяя река*; она проходит почти перпендикулярно экваториальной линии. На юге ее конечным пределом была река Маульи, которая бежит с востока на запад, пересекая королевство Чили еще до того места, где оно граничит с Араукам, что находится более чем на сорок градусов к югу от экваториальной линии. По материку расстояние между этими двумя реками будет немногим менее тысячи трехсот лиг. То, что называется [собственно] Перу, имеет по материку в длину семьсот пятьдесят лиг, от реки Анкас-майу до Лос-Чичас, что является последней провинцией Лос-Чаркас с севера на юг; а то, что называют королевством Чили, имеет [в длину] около пятиста пятидесяти лиг, также с севера на юг, начиная от самого конечного пункта провинции Лос-Чичас до реки Маульи.

На востоке конечным пределом являются те недоступные снежные кордильеры, на которые никогда, никогда не ступал ни человек, ни зверь, ни птица; они идут от Санта-Мария до Магелланова пролива; индейцы называют их Рити-суйу, что означает *снежная лента.* На западе [империя] граничит с Морем Юга, которое омывает весь ее берег по всей его длине. Граница империи начинается на побережье у мыса Пасау, где проходит экваториальная линия, и доходит до названной реки Маульи, которая также впадает в Море Юга. С востока на запад узкое все то королевство. В самом широком месте, если пересечь провинцию Муйу-пампа через Лос-Чачапуйас до города Трухильо, который находится на берегу Моря [Юга], то ширина его достигает ста двадцати лиг, а в самом узком месте – от порта Арика до провинции, называемой Льари-каса, – оно имеет семьдесят лиг в ширину. Таковы четыре конечных предела того, чем управляли короли инки, историю которых мы намереваемся написать благодаря божьей милости. Однако будет правильно, если мы, прежде чем пойдем дальше, расскажем здесь о событиях, которые случились с Педро Серрано, как нами было ранее обещано, а также чтобы рассказ о них был бы рядом с тем местом, где ему надлежит быть, а настоящая глава не оказалась бы слишком короткой. Педро Серрано направился вплавь к тому пустынному острову, который до него не имел своего названия; как он рассказывал, в окружности остров имел две лиги; почти то же говорит [о его размерах] карта для мореплавания, потому что она изображает три очень маленьких острова, окруженных мелководьем, и такое же изображение она дает тому, что называется Серранилья, состоящему из пяти малюсеньких островков с еще большими отмелями, чем у Серраны; они имеются там повсюду, в связи с чем корабли бегут от них, дабы не оказаться в опасном положении.

Педро Серрано выпало на долю потерпеть на них крушение и добраться вплавь до острова, где он оказался в самом безутешном состоянии, потому что не нашел на нем ни воды, ни провианта, ни даже травы, которую можно было бы съесть, ничего такого, чем было бы можно поддержать жизнь, пока не появится какой-нибудь корабль, который заберет его оттуда, чтобы он не умер от голода и жажды – смертью, которая казалась ему более ужасной, чем смерть в море, ибо она была бы более быстрой. Так он провел первую ночь, оплакивая свое несчастье и пребывание в столь подавленном состоянии, в каком, как можно представить себе, находится человек, доведенный до такой крайности. После того как рассвело, он снова стал ходить по острову и нашел разных морских моллюсков, которые выползали из моря, такие как раки, крабы и другие твари, и, набрав их столько, сколько он смог их взять, он съел их сырыми, потому что у него не было огня (candela), на котором он смог бы зажарить их или сварить. Так он поддержал себя, пока не увидел выползающих [из моря] черепах, а когда он увидел, что они отползли далеко от моря, он набросился на одну из них и перевернул ее на спину; то же самое он сделал со всеми, со сколькими мог, потому что они неуклюжи и не могут сами

перевернуться; вынув кинжал, который он обычно по привычке носил на поясе, ибо то было [верным] средством сохранить свою жизнь, он обезглавил [черепаху] и выпил ее кровь вместо воды; то же он сделал со всеми остальными [черепахами]; их мясо он положил на солнце, чтобы есть его в вяленом виде, а также чтобы опорожнить панцири для сбора в них дождевой воды, ибо весь тот район славится обилием дождей. Таким путем он поддерживал себя первые дни, убивая всех сколько мог черепах, некоторые из них были такими крупными и здоровыми, как самые большие щиты, а другие – как круглые щиты и как маленькие щиты, таким образом, [панцири] были всех размеров. С очень крупными [черепахами] он не мог справиться и перевернуть их на спину, ибо у него не хватало сил; тогда он садился на них верхом, чтобы утомить их и подчинить своей воле, но ничто не помогало ему, так как они уползали в море вместе с ним, [неся его] на своей спине; таким образом, опыт подсказал ему, на каких именно черепах следует нападать, а перед какими капитулировать. В панцири он собрал много воды, так как в некоторых из них вмещалось до двух арроб воды, а в других меньше. Видя, что он вполне обеспечил себя едой и питьем, Педро Серрано подумал, что если бы ему удалось добыть огонь хотя бы для того, чтобы жарить пищу и зажечь дымовые костры, когда покажется какой-нибудь проходящий мимо корабль, то у него не будет ни в чем недостатка. С этими мыслями он, как человек, который [привык] бродить по морям, а это правда, что такие люди в любом деле дадут кому угодно большую фору, он принялся искать пару камней, которые могли бы послужить ему кремнем, ибо он рассчитывал, что кинжал можно использовать как огниво; не найдя их на острове, потому что он был сплошь покрыт мертвым песком, он стал тогда плавать в море и нырять (sabullía), с огромным упорством разыскивая на дне то в одном, то в другом месте то, что было ему необходимо; и был он столь настойчив в своем труде, что обнаружил камни, и те из них, которые смог, вытащил [на берег], а из них он отобрал лучшие и принялся разбивать их одни о другие, чтобы получились [на камнях] углы, по которым можно было бы ударять кинжалом и испытать свое приспособление; и увидя, что искра (fuego) выбивается, он из куска рубашки вытянул нити, которые так растрепал, что они стали подобны хлопку и [могли] послужить ему фитилем; благодаря своей изобретательности и хорошей сноровке, проявив большую настойчивость, он добыл огонь. Когда он понял, что у него есть огонь, он почувствовал себя счастливым, а чтобы поддерживать огонь, он собирал отбросы, которые море выкидывало на землю, и часами собирал он их всюду, где ему попадалось много травы, которую называют морскими водорослями, и обломки дерева с кораблей, затерявшихся в море, и ракушки, и рыбьи кости, и другие вещи, которые [могли] поддержать ему огонь. А чтобы ливни не загасили бы огонь, он построил себе хижину из самых крупных панцирей черепах, которых он убил, и проявлял он огромнейшую заботу об огне, чтобы он не ускользнул бы из его рук. Через два месяца, а может быть, и раньше он предстал перед самим собою в том, в чем его мать родила, потому что из-за обилия воды, жары и влажности в этих местах у него сгнила одежда, которая была на нем. Солнце своей страшной жарой очень утомляло его, ибо у него не было одежды, чтобы защитить себя, ни тени, чтобы укрыться. Когда он чувствовал себя чересчур усталым, он входил в воду, чтобы найти в ней укрытие [от солнца]. Так в трудах и заботах прожил он три года; за это время он видел проплывавшие мимо корабли, и хотя он разжигал свои дымовые костры, которые в море означают, что люди потерпели кораблекрушение, их не замечали с кораблей или, [заметив их], боялись отмелей и не рисковали плыть туда, где он находился, а проплывали мимо. Видя это, Педро Серрано испытывал такое безутешное горе, что принимал решение умереть и покончить с собой. Благодаря безжалостности неба все его тело так заросло волосами, что стало похожим на шкуру животного, и не какого-нибудь, а кабана; волосы [на голове] и борода спускались ниже пояса.

Однажды вечером по прошествии трех лет Педро Серрано неожиданно увидел на своем острове человека, который предшествующим вечером потерпел крушение на его отмелях и спасся благодаря корабельной доске, за которую он держался; когда наступил рассвет, он уви-

дел дым от костра Педро Серрано и с помощью доски и своего умения плавать поплыл [на дым], не размышляя о том, что может его там ждать. Когда они увидели друг друга, нельзя с достоверностью сказать, кто из них удивился больше. Серрано решил, что это был дьявол, который принял человеческий облик, чтобы попытаться довести его до отчаяния. Гость же решил, что Серрано – дьявол во плоти, так как он увидел, что [все тело] его покрыто щетиной, бородой и кудрявыми волосами. Оба они пустились прочь друг от друга; убегая, Педро Серрано повторял: «Иисус, Иисус, спаси меня господь от дьявола». Услышав это, другой успокоился и, повернувшись к нему, сказал: «Не убегай, брат, от меня, ибо я, как и ты, христианин», а чтобы он убедился бы в этом, ибо [Серрано] все еще продолжал убегать, он громко призвал всевышнего, что, будучи услышано Педро Серрано, вернуло его назад; они обнялись с великой грустью и многими слезами и стенаниями, поняв, что оба одинаково несчастны и нет у них спасения. Каждый из них коротко рассказал о своей прошлой жизни. Педро Серрано, догадываясь о том, в чем нуждается гость, дал ему имевшуюся у него еду и питье, что немного его утешило, а потом они опять заговорили о своем несчастье. Они устроили свою жизнь по возможности удобнее, распределив свое время дня и ночи между поисками моллюсков для еды, и водорослей, и дров, и рыбьих костей, и всего другого, что море выбрасывало и [что могло служить] для поддержания огня, ибо самым главным было постоянное наблюдение за огнем; они часами следили за тем, чтобы огонь не погас. Так они прожили несколько дней, однако немногие из них проходили без ссор, и они даже делили хижину; им не хватало только дойти до рукоприкладства (ибо столь велика нищета наших страстей); причиной ссор были обвинения одним другого в том, что он не заботился так, как следует заботиться [о провианте], и тогда раздражение и сказанные при этом друг другу слова выводили их из себя, и они удалялись друг от друга. Однако, впав в безрассудство, они сами попросили извинения друг у друга, и стали друзьями, и снова объединились вместе, и так прожили еще четыре года. За это время они видели несколько раз проплывшие корабли и разжигали свои костры, но они не помогали им, что приводило их в столь безутешное состояние, что им ничего не оставалось, как только умереть.

В конце этого долгого времени случилось так, что один корабль проплыл так близко от них, что заметил дым и послал за ними небольшую лодку. Педро Серрано и его товарищ, который так же, как и он, зарос волосами, увидя рядом с собой лодку, стали взывать к богу и громко выкрикивать имя нашего спасителя, чтобы моряки, которые плыли к ним, не приняли бы их за дьяволов; это предупреждение сослужило им службу, ибо нет сомнения в том, что моряки убежали бы [от них], так как их тела не имели человеческого вида. Так их доставили на корабль, где все те, кто увидел их и услышал об их тяжелом труде, были восхищены ими. Товарищ [Серрано] умер в море по пути в Испанию. Педро Серрано приплыл туда и направился в Германию, где в то время находился император [Карл V]: он оставил свои волосы такими, какими они отросли [на острове], чтобы они послужили ему доказательством его кораблекрушения и того, что с ним случилось после. Во всех селениях, где он побывал во время своей поездки (если он хотел показать себя), он зарабатывал много денег. Некоторые сеньоры и знатные кабальеро, которым его вид доставлял удовольствие, оказывали ему значительную помощь для его путешествия, а его императорское величество, увидя его и выслушав его [рассказ], оказал ему милость в виде ренты в четыре тысячи песо, что составляет в Перу четыре тысячи восемьсот дукатов. Но он их так и не увидел: возвращаясь назад, чтобы насладиться ими, он умер в Панаме. Всю эту историю, как уже говорилось, поведал кабальеро, называвший себя Гарси Санчес де Фигероа, и я сам от него слышал; он был знаком с Педро Серрано и утверждал, что услышал ее от него самого и что после встречи с императором он остриг свои волосы, а бороду оставил чуть повыше пояса, а чтобы ночью спать [спокойно], он заплетал ее в косу, ибо если бы он не заплетал ее, то она стелилась бы по всей постели и мешала его сну.

Глава IX. Идолопоклонство и боги, которым они поклонялись до инков

Чтобы были лучше поняты идолопоклонство, жизнь и обычаи индейцев Перу, необходимо разделить те века на два периода времени (edàdes): мы расскажем, как они жили до инков, а затем мы расскажем, как правили эти короли, чтобы не путалось бы одно с другим и не приписывались бы ни обычаи, ни боги одних другим. Для этого нужно знать, что в тот первоначальный период времени и в период древнего язычества некоторые индейцы были лишь немногим лучше ручных животных, а другие намного хуже диких зверей; а начиная разговор об их богах, нужно сказать, что они соответствовали их наивности и глупости как своей многочисленностью, так и мерзостью и низостью того, чему они поклонялись; ибо было так, что каждая провинция, каждый народ (nación), каждое селение, каждый квартал, каждое поколение и каждый дом имел отличных от других богов; потому что им казалось, что чужой бог, занятый [делами] других, не мог им помогать; помогает же им только свой собственный [бог]; и таким образом они дошли до такого разнообразия богов и такого их количества, что им не было числа; а так как они не умели, как римские язычники, создать себе воображаемых богов, таких как Надежда, Победа, Мир и других подобных, потому что их разум не подымался до вещей невидимых, они поклонялись тому, что видели, каждый в отличие от другого своему, не принимая во внимание ни значения того, чему они поклонялись и был ли предмет поклонения достоин того, ни уважения к самим себе, чтобы не поклоняться тому, что было ниже их самих: они обращали лишь внимание на то, чтобы эти [боги] отличались от других и каждый из них от всех остальных, и таким образом предметами их поклонения были травы, растения, цветы, любые деревья, высокие горы, огромные утесы и расщелины между ними, глубокие пещеры, большие и малые камни, которые они находили в реках и ручьях, разные по цвету, как яшма. Изумруду, в частности, поклонялись в одной из провинций, которую сегодня называют Пуэрто-Вьехо; они не поклонялись ни алмазам, ни рубинам, потому что в тех землях их не было. Вместо них они поклонялись различным животным, одним – из-за их силы, например тигру, льву или медведю; и в силу этой причины они считали их богами и если встречались с ними, то не убегали от них, а бросались на землю, чтобы поклоняться им, и позволяли им убить себя и сожрать, не убегая и не делая попытку к защите. Они также поклонялись зверям за их хитрость, таким как лиса или обезьяны. Они поклонялись собаке за ее верность и благородство и трусливому коту за его проворность. Птице, которую они называют *кунтур* (cuntur), за ее величину, а орлам поклонялись некоторые народы, потому что считали, что происходят от них, а также и от кунтура. Другие народы поклонялись соколам из-за их ловкости и умения быстро добывать пищу; поклонялись филину за красоту его глаз и головы; и летучей мыши за проницательность ее зрения, так как ее умение видеть ночью вызывало у них восхищение; и по прихоти своей они поклонялись многим другим птицам. Гигантским змеям за их чудовищность и свирепость, они в Андах (Antis) достигают в длину более или менее от двадцати пяти до тридцати футов, а в толщину намного превышают ляжки. Где не было таких, как в Андах, крупных змей, они также считали богами и других, мелких змей; они поклонялись ящерицам, жабам и лягушкам. Иными словами, каким бы презренным и грязным ни было бы животное, они считали его богом только ради того, чтобы боги одних отличались бы от других, не почитая в них какую-либо божественность, не имея возможности получить какую-либо пользу от них. Они во всем были крайне недалекими, похожими на [стадо] овец без пастуха. Однако нам не нужно удивляться тому, что люди без какой-либо науки и образования пребывали в столь великой простоте, ибо известно, что греки и римляне, так гордившиеся своими науками, в период наивысшего расцвета своих империй имели тридцать тысяч богов.

Глава X. О другом великом разнообразии богов, которых они имели

В тот первоначальный период времени было много других индейцев, принадлежавших к разным народам, которые в отличие от упомянутых выбирали своих богов, исходя из иного соображения, ибо они поклонялись таким вещам, которые приносили им определенную пользу; так некоторые из них поклонялись многоводным родникам и большим рекам, которые давали воду для орошения их посевов.

Другие поклонялись земле и называли ее Матерью, ибо она давала им свои плоды; другие – воздуху, которым они дышали, ибо они считали, что с его помощью живут люди; другие – огню, ибо он согревал их и с его помощью они готовили еду; другие поклонялись ламе из-за множества [этого] скота, который водился на их землях; другие – огромным горным цепям Сьерры-Невады из-за их высоты, их удивительного величия и многочисленных рек, которые спускаются с них, чтобы оросить [землю]. Другие – кукурузе, или *сара*, как они ее называют, ибо она была их хлебом насущным. Другие – другим злакам и овощам, которые в большом изобилии произрастали в их провинциях.

Те, кто жил на морском берегу, помимо бесконечного множества других, имевшихся у них богов или, возможно, тех же самых, о которых мы [уже] говорили, все вместе поклонялись морю и называли его *Мама-коча*, что означает *Мать-Море*, давая этим понять, что оно обращалось с ними как мать, питая их своею рыбой. Они также, как правило, поклонялись киту из-за его размеров и чудовищности. Помимо этого всеобщего поклонения, которое имело место по всему побережью, в различных провинциях и районах поклонялись рыбе, которую больше всего убивали в этом районе, потому что они считали, что первая рыба, находившаяся в высоком мире (так они звали небо), от которой произошли все другие рыбы того же вида, которыми они кормились, проявила заботу и послала им в свое время в изобилии своих детей, чтобы накормить ими такой-то народ; и по этой причине в одних провинциях поклонялись сардине, потому что ее убивали в больших количествах, чем других рыб; в других – [морскому] бычку (la lizá); в других – [акуле] морской собаке (el tollo); в других – дораде [золотой скумбрии] за ее красоту; в других – крабам и иным моллюскам из-за отсутствия другой лучшей рыбы, ибо ее не было в том море или потому что они не умели ее ловить и убивать. Словом, они поклонялись и считали богом любую рыбу, которая в отличие от других давала им большую пользу. Таким образом, они считали богами не только все четыре элемента [и] каждый из них в отдельности, но также и все слагаемое и образуемое ими, сколь презренным и отвратительным оно не было бы. Были и другие народы, как например чири-вано и те, что с мыса Пасау (они на севере и на юге являются двумя окраинными провинциями Перу), у которых не было и нет склонности поклоняться чему бы то ни было, будь то низкому или высокому, из страха или ради интереса, потому что они жили во всем и живут еще сегодня, словно звери и даже хуже, ибо до них не дошли ни вера, ни учение королей инков.

Глава XI. Какие формы жертвоприношений они употребляли

Гнусности и низости их богов соответствовала также жестокость и варварство жертвоприношений того древнего идолопоклонства, так как, помимо обычных жертв, каковыми являлись животные и растения, они приносили в жертву мужчин и женщин любого возраста, взятых в плен на войне, которую одни [племена] вели против других. А у некоторых народов была столь бесчеловечной эта жестокость, что она была хуже, чем у зверей, потому что она доходила до того, что они уже не удовлетворялись принесением в жертву пленных врагов, а [приносили в жертву] своих собственных детей ради тех или других нужд. Способом принесения в жертву мужчин и женщин, юношей и детей было вскрытие им, живым, грудной клетки и извлечение сердца вместе с легкими; их кровью, пока она не остыла, орошали идола, который приказывал совершить такое жертвоприношение, а затем их предсказатели глядели в те самые легкие и сердце, чтобы увидеть, было или не было принято жертвоприношение; и было оно принято или нет, они в знак подношения идолу сжигали дотла сердце и легкие, а индейца, принесенного в жертву, съедали с огромным удовольствием и вкусом, и был у них праздник и ликование, даже если жертвой был их собственный сын.

Отец Блас Валера, согласно многим частям из его, пострадавших рукописей, придерживается того же, что и мы, стремления различать времена, эпохи и провинции, чтобы были лучше поняты обычаи каждого из народов, что проглядывает во многих вопросах, о которых он писал; он пишет в одной из своих изорванных тетрадей то, что следует дальше, рассказывая о настоящем времени, потому что среди тех людей и сегодня имеет место та бесчеловечность: «Те, что живут в Андах, едят человеческое мясо; они более свирепы, чем тигры; у них нет ни бога, ни закона, они не знают, что такое добродетель, у них также нет идолов и ничего схожего с ними, они поклоняются дьяволу, когда он предстает перед ними в образе какого-нибудь животного или змеи и говорит с ними. Если они берут кого-нибудь в плен на войне или любым другим способом [и] знают о том, что он является плебеем и низкого происхождения, то они четвертуют его и раздают куски своим друзьям и слугам для того, чтобы они их съели или продали на бойне. Но если он благородный человек, то тогда собираются вместе все самые знатные [индейцы] со своими женами и детьми, и, словно посланцы дьявола, они обнажают его и живым привязывают к столбу, и каменными кинжалами и ножами разрезают его на куски, не расчленяя его, а срезая мясо с тех мест, где его больше всего: с икр, ляжек, и ягодиц, и мясистой части рук, орошая себя кровью; мужчины, женщины и дети с большой поспешностью все вместе съедают мясо, не давая ему возможности хорошо свариться, ни прожариться, и даже не жуя, а глотая его кусками, в результате чего несчастный страдалец видит, как его живого поедают другие [люди], хороня его самого в своих утробах. Женщины (более жестокие, чем мужчины) смазывают соски своих грудей кровью несчастного, чтобы их младенцы сосали бы и пили ее вместе с молоком. Все это они делают на месте жертвоприношения с великим ликованием и радостью по случаю того, что человек только что умер. Они съедают тогда его мясо со всеми внутренностями не ради праздника и не для услады, как это делалось до этого, а как нечто самое божественное, ибо начиная с этого момента и дальше они относятся [к жертве] с огромным почтением и едят ее как святыню. Если во время мучений несчастный выдал свои страдания каким-либо движением лица или тела или у него вырвался стон или вздох, они разламывают на куски его кости, после того как срезают с них мясо, вынимают потроха и кишки и с огромным презрением выбрасывают их в поле или в реку; но, если во время мучений он проявил себя сильным, стойким и яростным, съев его мясо со всеми внутренностями, они кладут на солнце его кости и жилы, отнеся их на вершины гор; они относятся к ним и поклоняются им, как богам, и приносят им жертвы. Таковы эти идолы тех зверей, ибо до них не дошла империя

инков и до сих пор не дошла до них империя испанцев и пребывают они в таком состоянии по сей день. Это поколение столь ужасных и жестоких людей вышло из мексиканского района и заселило районы Панамы и Дариена и все те огромные горы, которые доходят до Нового Королевства Гранады, а с другой стороны – вплоть до Санта-Марта». Все эти [слова] принадлежат отцу Блас Валера, который, повествуя о дьявольских проделках, с большой убедительностью помогает нам рассказывать о том, что было тогда в том первоначальном периоде и существует поныне.

Были другие индейцы, не столь жестокие в своих жертвоприношениях, которые хотя и примешивали к ним человеческую кровь, но она была не результатом чьей-либо смерти, а кровопускания из рук или ног, согласно торжественности жертвоприношения; а для наиболее торжественных случаев ее брали из переносицы, где сходятся брови, и этой холодной кровью среди индейцев Перу, даже после инков, обычно пользовались как для жертвоприношений (в частности, для одного, как мы расскажем дальше), так и при их болезнях, когда они страдали от сильной головной боли.

Были и другие общие для всех индейцев жертвоприношения (те, что мы упоминали выше, существовали в некоторых провинциях и у отдельных народов, а у других их не было), но те, которыми они обычно пользовались, были связаны с животными, такими как ламы, викуньи, ягнята, кролики, куропатки и другие жирные птицы, и с травой кука, которую они так уважают, кукурузой и другими злаками и овощами, и пахучим деревом, и [другими] схожими вещами, которые они получали с урожаем и которые, по мнению каждого из народов, могли быть наиболее приятным жертвоприношением для их богов, будь то птицы или животные, идущие на мясо, или что-то другое. Каждый из них подносил то, что было их обычной пищей, и то, что казалось им самым вкусным; и сказанного вполне достаточно о жертвоприношениях, которые существовали в том древнем язычестве.

Глава XII. Жилище и правление древних [людей] и то, что они ели

В форме своих жилищ и селений те язычники проявляли то же варварство, что и в своих богах и жертвоприношениях. У самых развитых (políticо) из них обитаемые поселения не имели площадей, не было порядка ни в расположении улиц, ни домов, как в стойбище диких животных. Другие по причине войн, возникавших в результате нападения одних на других, селились на высоких скалах и утесах, как в крепостях, где они могли меньше опасаться нападения своих врагов. Другие [жили] в шалашах, разбросанных по полям, долинам и ущельям, выбирая каждый для себя наиболее удобное место для своего жилища и пропитания. Другие жили в пещерах под землей, в расщелинах скал, в дуплах деревьев; каждый [жил] там, где находил удобное для своего жилища место, потому что строить его они были неспособны; и сейчас еще остались некоторые из подобных, например жители мыса Пасау, и [индейцы] чири-вана, и другие народы, которых не завоевали короли инки и которые сегодня пребывают в прежнем невежестве; и эти такие хуже всех поддаются подчинению как в служении испанцам, так и [в восприятии] христианской религии, так как они никогда не имели веры (doctrina); они – существа неразумные и лишь едва владеют речью (lengua), чтобы объясняться друг с другом в пределах одного и того же племени (nación); и так живут они, как животные разных видов, не объединяясь, не поддерживая между собой связи, имея отношения только лишь со своими [одноплеменниками].

В тех селениях и жилищах правил тот, кто решался на это и имел достаточно духу, чтобы командовать всеми остальными, а став господином, он тиранил и жестоко обращался с вассалами, заставляя их служить себе как рабов, используя по своей прихоти женщин и детей, вступая в войну против другого. В некоторых провинциях сдирали кожу с пленников и натягивали ее на барабанные ящики, чтобы устрашать своих врагов, потому что считалось, что, услышав [звучащую] кожу своих родственников, те убегали. Они жили в грабеже, воровстве, убийствах, поджогах; и вот так появилось множество господ и царьков, среди которых иногда встречались и хорошие, которые хорошо обращались со своими и поддерживали мир и справедливость: таких за их доброту и благородство индейцы по наивности почитали богами, поскольку видели, что они были отличными и совсем другими, чем множество иных тиранов. В других местах они жили без господ, которые бы правили и командовали ими; они не умели образовать у себя государство, чтобы в их жизнь пришли порядок и согласие; в своей простоте они жили как овцы, не творя ни зла, ни добра, и происходило это больше из-за их невежества и отсутствия злого умысла, чем из-за избытка доброй воли.

Манера индейцев одеваться и прикрывать свое тело во многих провинциях была столь примитивной и потешной, что их одежда вызывала смех. В других [провинциях] в своей еде и яствах они были столь дикими и такими варварами, что дикость их вызывает удивление; во многих других крупных районах индейцам было одинаково свойственно и то и другое. В жарких землях, поскольку они были более плодородными, они ничего не сеяли или сеяли немного, поддерживая себя дикими травами, и корнями, и фруктами, и другими овощами, которые давала земля сама по себе или при незначительном возделывании местных жителей, которые довольствовались малым, поскольку они, как и все, стремились лишь поддержать свою жизнь. Во многих провинциях они так любили человеческое мясо и считали его таким лакомством, что еще до того, как умирал индеец, которого они убивали, они пили из нанесенных ему ран кровь и делали то же самое, когда разрезали его на куски, высасывая кровь, собирая ее в ладони, чтобы не потерять ни одной капли. У них были публичные мясные лавки человеческого мяса: из кишок они делали морсильи [кровяные колбасы] и лонганисы [сосиски],

набивая их мясом, чтобы они не пропадали. Педро де Сиеса, глава двадцать шестая, говорит о том же, и он видел это собственными глазами. Эта страсть так разрослась, что дело дошло до того, что не щадились даже собственные дети, рожденные иноплеменными женщинами, которых захватывали и пленяли на войне. Они брали их в качестве наложниц, а рожденных ими детей они выхаживали с большой заботой вплоть до одиннадцати или тринадцати лет, а потом съедали их, а за ними и их матерей, когда они уже не могли рожать. Они совершали поступки еще страшнее: многим индейцам, захваченным в плен, они сохраняли жизнь и давали им женщин из своего племени, т. е. из племени победителей, а рождавшихся детей они выхаживали, как своих собственных, и, когда они становились подростками, они их съедали, создавая таким путем питомник по разведению детей для того, чтобы питаться ими, и они не испытывали к ним жалости ни как к родственникам, ни как к малолетним существам, к которым даже животные, враждующие между собой, иногда испытывают любовь, и это мы можем сказать, потому что сами видели некоторых из таких животных, а о других слышали. Однако у тех варваров не было ни того ни другого, и они убивали детей, которых сами зачали, и своих родственников, которых вырастили, чтобы съесть их; и то же самое они делали с родителями, когда те не были способны к зачатию; для них ничего не значило родство по браку. И был там один народ настолько странный в этом желании полакомиться человеческим мясом, что своих умерших [соплеменников] он хоронил в своих желудках: как только умерший испускал дух, собирались родственники и съедали его сваренным или зажаренным, что зависело от того, много или мало было у него мяса: если мало, то его варили; если много, то жарили, а после этого они собирали его кости по их сочленениям и одаривали их подношениями, сопровождая это великим плачем; они хоронили их в расщелинах гор и в дуплах деревьев; у них не было богов, они не знали, что такое поклонение божеству, и сегодня они пребывают в том же состоянии. Поедание человеческого мяса имело место больше среди индейцев жарких земель, чем земель холодных.

На бесплодных и холодных землях, где земля сама по себе не рождала плоды, корни и травы, вынуждаемые необходимостью, они сеяли кукурузу и другие овощи, и делали это без [учета] времени и здравого смысла. Они пользовались охотой и рыбной ловлей столь же невежественно, сколь невежественны были и во всем остальном.

Глава XIII. Как одевались в ту древность

Непристойность их одежды была такова, что лучше молчать о ней и утаить ее, чем говорить или показать [с помощью] описания; однако, поскольку история принуждает меня описать ее целиком и правдиво, я умоляю скромных людей отключить свой слух и в этой части не слушать меня, что послужило бы наказанием для меня, а эту немилость я считаю совершенно справедливой. В тот первоначальный период времени индейцы одевались как животные, ибо на них не было другой одежды, кроме кожи, которую им дала природа. Многие из них ради забавы или для украшения носили на поясе толстую нить, и им казалось, что этого одеяния достаточно, и мы не сдвинемся с этого места, если сказанное нами не будет достоверно. В году тысяча пятьсот шестидесятом, направляясь в Испанию, я встретил на одной из улиц Картахены пять индейцев без какой-либо одежды, и шли они не все вместе, а один следом за другим, словно журавли, хотя уже столько лет имели дело с испанцами.

Женщины ходили в той же одежде, т. е. нагишом; замужние опоясывали тело ниткой, на которой носили свисающую, как передник, тряпочку из хлопка величиной с квадратную вару, а где не умели или же не хотели прясть и ткать, они носили кусок коры дерева или его листья, что служило покрывалом для приличия. Девушки также носили на своем теле опоясывающую, как ремень, нить, а вместо передника и в знак того, что они были девушками, они носили разные другие вещи. Но здесь мы умолчим о том, что должно быть сказано, исходя из соображения, что нужно проявлять уважение, которое требуют к себе слушатели; хватит с нас того, что такой была одежда и одеяние индейцев жарких земель; словом, в вопросах приличия они были подобны неразумным животным; и только из одного этого скотства (bestialidad), которое они проявляли в украшениях своих особ, можно заключить, сколь дикими были во всем остальном индейцы того язычества до империи инков.

В холодных землях они покрывали себя с большею скромностью, но не для сохранения приличия, а из-за необходимости, вызванной холодом; они покрывали свое тело звериными шкурами и подобием покрывала, которое делали из дикой конопли и из белой соломы, длинной и мягкой, которая растет на полях. Этими изобретениями (invenciones) они как можно старательней закрывали свое тело. Другие народы были менее опрятны; они носили плохо сделанные, из плохой пряжи и еще хуже сотканные пледы из шерсти или дикой конопли, которую называли *чавар*; они носили их, закрепляя на шее и подвязывая на теле, что позволяло довольно хорошо укрываться ими. Эти одежды они носили в тот первоначальный период времени, а те из них, которыми, как мы рассказали, пользовались в жарких землях, что означало ходить нагишом, испанцы повстречали в очень многих провинциях, которые еще не были завоеваны королями инками; и сегодня ею пользуются во многих землях, завоеванных испанцами, индейцы которых настолько тупы, что не хотят одеваться; только те из них, что весьма близки в своих отношениях с испанцами [и работают] в их домах, одеваются, но делают это скорее из-за неудобств, испытываемых [испанцами], чем ради собственного удовольствия и порядочности; и отвергают [одежду] как мужчины, так и женщины, а над последними подшучивают испанцы, вопрошая: то ли они плохие пряхи, то ли большие бесстыдницы; то ли они не одеваются, потому что не хотят ткать, то ли не ткут, потому что не хотят одеваться.

Глава XIV. Различные браки и различные языки. Они пользовались ядами и колдовством

В остальных обычаях, таких как брак и сожительство (el juntarse), индейцы того язычества были не лучше, чем в одежде и в еде, потому что многие племена соединялись для сожительства, словно звери, как им доводилось встретиться, не зная, что такое собственная жена; а другие женились по своей прихоти, не считаясь с тем, что это были их сестры, дочери и даже матери. У других народов соблюдалось исключение только лишь в отношении матерей; в других провинциях считалось дозволенным и даже достойным похвалы, если девушки вели себя как можно более безнравственно и беспутно, и для самых распущенных из них замужество было больше всего гарантировано, так как среди них они наиболее высоко ценились; по крайней мере девушки такого поведения считались заботливыми, а о честных девушках говорили, что их никто не хотел из-за их слабости. В других провинциях были противоположные обычаи, ибо матери охраняли там дочерей с огромной тщательностью, а когда решался вопрос об их замужестве, их выводили и на виду у всех и в присутствии родственников, которые нашли суженого (otorgo), своими собственными руками лишали их целомудрия (desfloravan), предъявляя всем доказательство их хорошего поведения.

В других провинциях девственницу, которая должна была выходить замуж, лишали целомудрия самые близкие родственники жениха и его самые большие друзья, и при этом условии заключался брак, и такой ее получал затем муж. Педро де Сиеса, глава двадцать четвертая, говорит то же самое. В некоторых провинциях имелись содомиты, хотя они занимались этим не очень-то открыто и не сообща всем племенем, а лишь отдельные частные лица и тайно. В некоторых местах содомиты имелись при храмах, потому что дьявол внушал им, что боги воспринимали их с большим удовлетворением, и делал так отступник, чтобы сбросить покрывало со стыда, который те язычники испытывали к преступлению, дабы заставить их всех совершать его публично и сообща. Были также мужчины и женщины, которые давали отраву как для того, чтобы убить ею медленно или быстро, так и для того, чтобы лишить рассудка и сделать глупыми тех, кого хотели, а также для того, чтобы обезобразить лица и тела, ибо она оставляла [на теле] черно-белые пятна, а члены их заболевали белой проказой и параличом. Каждая провинция, каждый народ, а во многих местах каждое селение имели свой язык, отличный от своих соседей. Те, кто объяснялся на одном языке, считали себя родственниками; и тогда они были друзьями и союзниками. Те же, кто не понимал друг друга из-за различия в языках, считали себя врагами и противниками и вели жестокие войны, пока одни не пожирали других, словно они были животными различных видов. Были также колдуны и колдуньи, и это было самым обычным занятием среди индейцев: многие занимались им только для того, чтобы самим иметь дело с дьяволом [или] чтобы, вопрошая или предсказывая грядущее, заслужить у людей [такую] репутацию, которая позволила бы стать великими жрецами и жрицами.

Другие женщины пользовались им для того, чтобы то ли из зависти, то ли из-за иной неприязни околдовать скорее мужчин, чем женщин, а колдовством они достигали тех же результатов, что и отвагой. И этого достаточно о том, что в настоящее время можно сказать об индейцах того первоначального периода времени и древнего язычества; то же, о чем не было сказано столь точно, как оно было, каждый по своему желанию может домыслить и дополнить рассказанное мною, но сколько бы он ни изощрял свое воображение, он не сможет представить себе, сколь велика была отсталость того язычества, что естественно (en fin) для людей, у которых не было иного наставника и учителя, кроме дьявола; и были они такими в своей жизни, в обычаях, богах и жертвоприношениях, варварство которых лишено чего-либо похвального.

Другие [племена] были во всем самыми примитивными, словно домашние животные, и даже еще примитивнее. Другие [племена] практиковали одну и другую крайность, как мы уви-

дим дальше в ходе нашей *Истории*, где, в частности, расскажем, какие из зверств, упоминавшихся выше, были в каждой из провинций и у каждого народа.

Глава XV. Происхождение инков, королей Перу

Так жили и умирали, как мы видели, те люди, и разрешил наш господь бог, чтобы поднялась из них самих утренняя звезда, которая в той кромешной тьме донесла бы до них известие о законе природы и благовоспитанности, и уважении, которые люди должны проявлять друг к другу, и чтобы потомки звезды, действуя от хорошего к лучшему, перевоспитали бы тех диких зверей и превратили бы их в людей, приспособив к [восприятию] разума и любой доброй веры с тем, чтобы, когда этот же самый бог, солнце справедливости, счел бы за добро направить свет своих божественных лучей на тех идолопоклонников, они перестали бы быть такими дикими, а были бы более податливыми для восприятия католической веры и учения, и доктрины нашей святой матери римской церкви, как позднее здесь они восприняли ее, что будет как одно, так и другое соответственно показано в изложении этой *Истории*, ибо опыт совершенно ясно показал, насколько быстрее и способнее к восприятию Евангелия оказались индейцы, которых покорили, обучили и которыми управляли короли инки, нежели народы остальных прилегающих районов, куда все еще не проникло учение инков и где еще сегодня люди такие же варвары и тупицы, какими они были раньше, хотя прошел уже семьдесят один год, как испанцы пришли в Перу. И поскольку мы уже подошли к вратам этого огромного лабиринта, будет лучше, если мы тронемся дальше, чтобы сообщить о том, что в нем находилось.

После того как мы набросали много планов и выбрали много дорог, чтобы проникнуть в понимание происхождения и начала инков, которые были урожденными королями Перу, я думаю, что лучшим планом и самой легкой и прямой дорогой будет рассказ о том, что я много раз слышал в детстве от своей матери, и ее братьев и дядей, и от других своих старших [родственников] об этом происхождении и начале, потому что все то, что сказано об этом в других источниках, сводится к тому же, о чем скажем мы, и будет лучше узнать об этом из собственных рассказов инков, чем от других испанских авторов. Случилось так, что мою мать, проживавшую на своей родине, в Коско, почти каждую неделю посещали немногочисленные родственники и родственницы, спасшиеся от жестокостей и тирании Ата-вальпы (мы скажем об этом [в рассказе] о его жизни); и всегда во время их посещений наиболее обычные для них разговоры касались происхождения их королей, их величия, величия их империи, их завоеваний и подвигов, правления в мире и на войне, законов, которые столько пользы приносили на благо их вассалам. Иными словами, в своих разговорах они обсуждали все то, что случалось между ними и способствовало [их] процветанию.

От прошлого величия и процветания они переходили к настоящему, оплакивая своих мертвых королей, свою потерянную империю и разрушенное государство и т. д. Эти и другие подобные разговоры вели во время своих посещений инки и пальи, и, вспоминая о потерянных богатствах, они всегда заканчивали свои беседы в слезах и плаче, говоря: «Сменилось наше царствование на вассальную зависимость», и т. д. Я, как ребенок, мог приходить и уходить оттуда, где они находились, ведя эти разговоры; слушать их было для меня развлечением, как развлекаются слушанием сказки. Так прошли дни, месяцы и годы, и, когда мне было уже шестнадцать или семнадцать лет, однажды случилось так, что, когда мои родственники вели эту свою беседу, разговаривая о своих королях и о своем прошлом (antiguallas), я сказал самому старому из них, тому, кто рассказывал об этом: «Инка, дядя, поскольку нет у вас письма, которое сохранило бы то, что хранит память о прошлых делах, [расскажи мне], что ты знаешь о происхождении и начале наших королей? Потому что там [в Европе] испанцы и другие соседние с ними народы, имея свои божественные и людские истории, знают из них, когда начали царствовать их и чужие короли, [когда] одни империи сменяли другие; они даже знают, сколько тысяч лет тому назад бог создал небо и землю; все это и еще гораздо большее они знают из своих книг. Однако вы, у которых нет книг, что вы помните о вашем прошлом? Кто был пер-

вым из ваших инков? Как его звали? От кого он произошел? Как начал он царствовать? С какими людьми и оружием завоевал он эту огромную империю? Каково происхождение наших подвигов?»

Инка словно бы возрадовался, услыхав эти вопросы; он испытывал удовольствие по мере их восприятия; [затем] он повернулся ко мне (я уже много раз слушал его, но никогда с таким вниманием, как в тот раз) и сказал: «Племянник, я с большой охотой скажу тебе о них, тебе надлежит услышать их и сохранить в сердце (так они говорят, когда хотят сказать *в памяти*). Знай, что в древние века весь этот район земли, который ты видишь, был огромными горами, покрытыми зарослями, и люди в те времена жили как неразумные звери и животные, без религии и порядка, без селений и домов, не возделывая и не засеивая землю, не одевая и не прикрывая свое тело, потому что они не умели обрабатывать ни хлопок, ни шерсть, чтобы делать одежду. Они жили парами, по трое, как им случалось соединиться вместе, в пещерах и расщелинах скал и в ямах в земле; словно животные, ели они полевую траву, и корни деревьев, и дикие фрукты, которыми они пользовались (dar de suyo), и человеческое мясо. Одни покрывали свое тело листьями, и корой деревьев, и шкурами зверей; другие ходили нагишом. Словом, они жили, как олени и стада диких животных (salvaginas), и даже к женщинам они относились, как скотина, так как они не знали ни собственных женщин, ни знакомых».

Прими, [читатель], к сведению, чтобы не вызывало у тебя раздражения: неоднократное повторение слов *наш отец Солнце* было свойственно языку инков, поскольку этим способом всякий раз они выражали свое почтение и послушание, называя [по имени] Солнце, ибо они кичились своим происхождением от него, а тому, кто не был инкой, было недозволено касаться [этих слов] своими устами, так как подобное считалось богохульством и [виновного] забрасывали камнями. Инка сказал: «Наш отец Солнце, видя людей такими, как я тебе сказал, огорчился, и проникся к ним сожалением, и направил он с неба на землю одного сына и одну дочь из своих детей, чтобы они наставили бы их на путь познания нашего отца Солнца, чтобы они стали бы поклоняться ему и восприняли бы его, как своего бога, и чтобы они дали им заветы и законы, с которыми они жили бы как здравомыслящие и благовоспитанные люди, чтобы они жили в населенных селениях и домах, умели бы обрабатывать землю, выращивать растения и злаки, растить скот и пользоваться им и плодами земли, как разумные люди, а не как звери. С этим приказом и поручением оставил наш отец Солнце этих двух своих детей в лагуне [озера] Титикака, которая находится в восьмидесяти лигах отсюда, и сказал им, чтобы они шли куда хотят и там, где им захочется поесть или поспать, они [должны] попытаться вогнать в землю золотой жезл длиною в половину вары и толщиною в два пальца (dendos), и там, где он войдет в землю с первого же броска, что для них послужит его знаком и указанием, там наш отец Солнце желал, чтобы они остановились бы и устроили свое местопребывание (asiento) и королевский двор (corte). Напоследок он сказал им: когда вы приведете этих людей к нашему служению, защищайте разум и справедливость, с сочувствием, милосердием и благодушием выполняя во всем обязанности почтительного отца к своим нежным и любимым детям, подражая и уподобляясь мне, приносящему всему миру добро, ибо я даю вам мой свет и ясность, чтобы вы увидели и создали бы свои богатства, а я обогрею вас, когда будет холодно, и взращу ваши пастбища и посевы, заставлю деревья приносить плоды и приумножу ваши стада, своевременно пошлю дождь и чистое [небо] и каждый день заботливо буду я пролетать над миром, чтобы видеть возникающие на земле нужды, и удовлетворять их, и приходить на помощь, как защитник и благодетель людей; я хочу, чтобы вы подражали этому примеру, как мои дети, посланные на землю только ради наставления и на благо этих людей, которые живут как животные. И с этого момента я объявляю и назначаю вас королями и господами всех людей, которых вы сумеете так наставить своим разумом, творением и правлением. Объяснив своим двум детям свою волю, наш отец Солнце отпустил их от себя. Они вышли из [озера] Титикака и зашагали к северу и на всем пути там, где они останавливались, они пытались воткнуть золотой жезл [в

землю], но он ни разу не вошел в нее. Так они пришли к маленькому постоялому двору (venta) или спальне (dormitoria), который находится в семи или восьми лигах на юг от того города, который сегодня называют *Пакарек Тампу*, что означает *рассветающий постоялый двор* или *спальня.* Это имя дал инка, потому что он вышел из той спальни в момент рассвета. Это было одно из селений, которые тот князь (Principe) приказал потом заселить, и его обитатели еще сегодня очень похваляются названием, потому что его дал наш инка; оттуда он и его жена, наша королева, пришли в эту долину Коско, которая была тогда вся недоступными горами».

Глава XVI. Основание Коско, имперского города

«Первая остановка, которую они сделали в этой долине, – говорил инка, – была на холме Вана-каури, на юг от этого города. Там он попытался воткнуть в землю золотой жезл, который с большой легкостью ушел в нее с первым же броском, который они сделали; больше они не увидели его. Тогда сказал наш инка своей сестре и жене: в этой долине приказывает наш отец Солнце остановиться и устроить наше местопребывание и жилье, чтобы этим выполнить его волю. Поэтому, королева и сестра, нужно, чтобы каждый из нас пошел созывать и привлекать этих людей, чтобы наставить их и сделать добро, которое приказал нам наш отец Солнце. Наши первые короли спустились с холма Вана-каури каждый в свою сторону, чтобы созывать людей, а так как то место было первым, о котором мы имеем сведения, что они ступали по нему своими ногами, и по причине того, что [именно] оттуда направились они делать людям добро, в память о той милости и благодеянии, которые они оказали миру, мы построили на холме, как известно, храм для поклонения нашему отцу Солнцу. Князь пошел на север, а княгиня (Princesa) – на юг; всем мужчинам и женщинам, которых они встречали в той скалистой местности, они говорили и рассказывали, что их отец Солнце прислал с неба, чтобы они стали учителями и благодетелями обитателей всей той земли, спасая их от звериной жизни, которой они жили, и обучая их людской жизни; и что во исполнение того, что им приказывал Солнце, их отец, они шли созывать и выводить их из тех гор и из зарослей, чтобы убедить их основать многолюдные селения и дать им для еды человеческие яства, а не звериные. Эти и другие схожие вещи говорили наши короли первым дикарям, которых они повстречали в горах и горных цепях [и] которые, увидя тех двух людей, одетых и наряженных в украшения, полученные ими от нашего отца Солнца (обычай, весьма непривычный для них), с ушами с большими круглыми отверстиями (horadadas), как это делаем мы, их потомки, и узнав из их слов и по их лицам, что они были детьми Солнца и что пришли они к людям, чтобы дать им помещения для жилья и продукты для питания, и, с одной стороны, восхищенные тем, что они увидели, а с другой – благосклонно относясь к обещаниям, которые они им давали, эти люди полностью поверили в то, что они им говорили, и стали поклоняться им, и почитать как детей Солнца, и повиноваться как королям; и сами дикари, мужчины и женщины, созывая друг друга и передавая чудеса, которые они видели и слышали, собрались в огромном количестве и пошли за нашими королями, готовые следовать за ними туда, куда они захотели бы их повести.

Рис. 3. Манко Капак Инка. [*Внизу:*] *этот инка, по преданию, правил одним Куско.* [*П. де Айяла, 86*]

Наши князья, видя огромное количество приходившего к ним народа, дали приказ некоторым из них заняться заготовкой для всех деревенской еды, чтобы голод не разбросал бы их вновь по горам; другим инка приказал построить шалаши и дома, указав, как их нужно строить. Таким образом, началось заселение этого нашего имперского города, разделенного на

две части, которые были названы *Ханан Коско*, что, как ты знаешь, означает *Верхнее Коско*, и *Хурин Коско*, что означает *Нижнее Коско.* Те, кого привлек король, по его желанию заселили Ханан Коско, и поэтому они назвали его *верхним*; а те, кого созвала королева, заселили Хурин Коско, и поэтому назвали его *нижним.* Это разделение города не означало, что жители одной его части имели бы преимущества над [жителями] другой половины в обязанностях (essención) и в привилегиях – они все были равны, как братья, дети одного отца и одной матери. Инка только пожелал, чтобы это разделение селения и различие в названии – верхнее и нижнее – сохранились бы, чтобы осталась вечная память о том, что одних созвал король, а других королева; и приказал он, чтобы между ними было только одно различие и признанное превосходство: жителей Верхнего Коско следовало воспринимать и уважать как первородных старших братьев, а [жителей] Нижнего, как младших (segundos) сыновей; иными словами, чтобы они были левой и правой рукой в любых привилегиях по месту [в обществе] и по службе (oficio), ибо верхних привлек мужчина, а нижних – женщина. По этому подобию имелось потом такое же деление во всех больших или малых селениях нашей империи, которые были разделены по районам или по [принципу] происхождения и назывались *ханан-айльу* и *хурин-айльу*, что означает *верхнее* и *нижнее происхождение; ханан суйу* и *хурин суйу*, что означает *верхний* и *нижний районы.*

Одновременно с заселением города наш инка обучал индейцев-мужчин мужским занятиям: таким как вскапывание и возделывание земли, сеяние злаковых, семян и овощей, ибо он показал им, что они были съедобны и полезны, и для этого он научил их делать плуги и другие нужные инструменты и объяснил им порядок и способ выводить (sacassen) оросительные каналы из ручьев, которые текут по этому району Коско; он даже научил их делать обувь, которую мы носим. С другой стороны, королева обучала индианок женским занятиям – пряже и ткачеству хлопка и шерсти, изготовлению одежды для себя и для своих мужей и детей; они рассказывали им, как следует выполнять остальные дела по домашнему хозяйству (servicio). Иными словами, наши князья обучали своих первых вассалов всему тому, что составляет человеческую жизнь, взяв на себя инка, король, обучение мужчин, а койя, королева, обучение женщин».

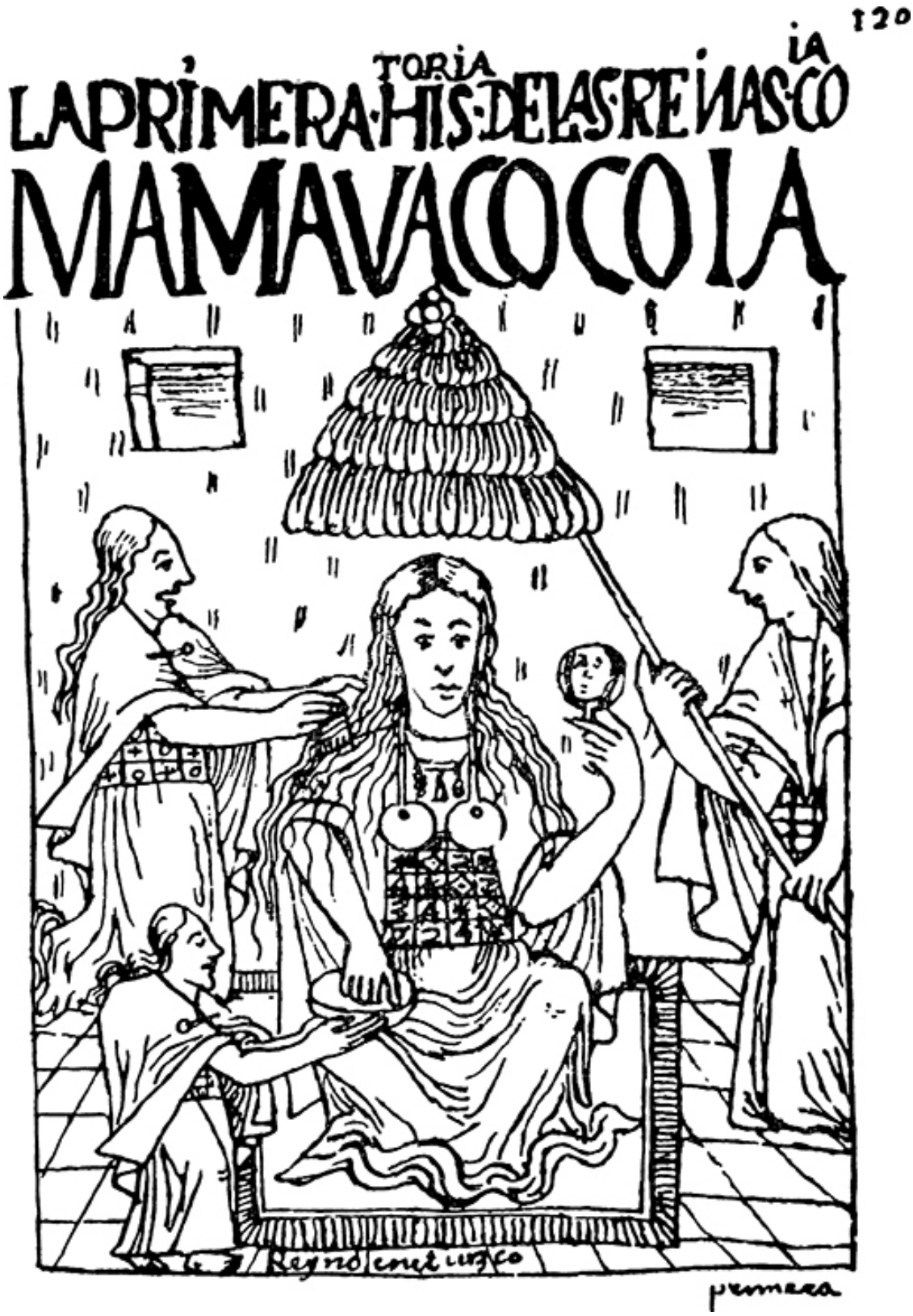


Рис. 4. Первая история королев-койа. Мама Вако Койа. [*Внизу:*] *правила в Куско.* [*П. де Айяла, 120*]

Глава XVII. Что покорил первый инка Манко Капак

«Сами индейцы, заново покоренные таким способом, увидя себя другими [людьми] и признавая полученные ими благодеяния, с огромным удовлетворением и ликованием шли по горам и горным хребтам, шли через заросли в поисках индейцев, и сообщали им новость о тех детях Солнца, и говорили им, что те появились на их земле на благо им всем, и рассказывали им о многих благодеяниях, которые они для них свершили; а чтобы им верили, они показывали новые одежды, которые они надевали, и новую еду, которую они ели, и [рассказывали], что теперь они жили в домах и селениях. Эти вести, услышанные дикими людьми, побуждали многих из них идти смотреть чудеса, которые рассказывали и распространяли о наших первых родителях, королях и господах, и, удостоверясь в них своими собственными глазами, они оставались служить им в послушании; и, таким образом, призывая одни других и передавая слово от этих к тем, за немногие годы собралось множество людей – столько, что по прошествии первых шести или семи лет у инки уже были люди войны, вооруженные и обученные для защиты от всякого, кто напал бы на него, и даже чтобы силой приводить тех, кто не хотел приходить по [своему] желанию. Он научил их изготовлять оружие для наступления: лук и стрелы, копья и дубинки и другое, которыми сейчас они пользуются.

И, чтобы укоротить [рассказ] о подвигах нашего первого инки, я скажу тебе, что на востоке он покорил [земли] вплоть до реки, называемой Паукар-тампу, а на западе завоевал восемь лиг [земли] до реки, называемой Апу-римак, а на юге девять лиг до Кеке-сана. В этом районе наш инка приказал заселить более ста селений; крупнейшие [имели] по сто домов, а другие – меньше, согласно вместимости [каждого] места. То было самым началом этого нашего города; так его основали и заселили, чтобы он стал таким, каким ты его видишь. Это же стало началом нашей великой, богатой и знаменитой империи, которую твой отец и его товарищи отняли у нас. Такими были наши первые инки и короли, которые пришли в первоначальный период времени мира, от которых произошли остальные короли, которые были у нас и от которых все мы происходим. Сколько лет тому назад наш отец Солнце послал этих своих первых детей, я не смогу тебе точно сказать, ибо их прошло столько, что память не может их сохранить; мы считаем, что более четырехсот. Наш инка назывался Манко Капак, а наша койя – Мама Окльо Вако; они были, как я тебе говорил, брат и сестра, дети Солнца и Луны, наших [пра] родителей. Думаю, что я рассказал тебе достаточно много о том, о чем ты просил, и ответил на твои вопросы, а чтобы не заставлять тебя проливать слезы, я повествовал тебе эту историю, не обливаясь кровавыми слезами, как ими обливается мое сердце, испытывая боль при виде наших уничтоженных (acabados) инков и нашей потерянной империи».

Это длинное сообщение о происхождении их королей передал мне тот инка, дядя моей матери, которого я попросил об этом, а я попытался точно перевести его с языка моей матери, являющегося и языком инки, на чужой [для них] язык, каковым является кастильский язык, и хотя я не написал рассказ величественными словами, которыми говорил инка, и не придавал им [в переводе] все то значение, которое они имеют, ибо они содержат столько значения, что то, что я сделал, [должно было] оказаться бы куда более длинным; я же скорее сократил сообщение, убрав из него некоторые вещи, которые сделали бы его ненавистным; вполне достаточно того, что я взял его подлинный смысл, так как именно это подходит для нашей *Истории.* Другие подобные вещи, хотя и немногочисленные, мне рассказывал этот же инка во время посещений и бесед, которые имели место в доме моей матери и которые я расставлю дальше в положенных для них местах, указав, кто является их автором; и огорчает меня то, что не спросил я его о многом другом, чтобы сегодня располагать знаниями из такого прекрасного источника (archivo) и чтобы написать о них здесь.

Глава XVIII. Две исторические легенды о происхождении инков

Другую легенду о происхождении своих королей инков рассказывают простые люди Перу, а именно индейцы, которые живут на юг от Коско – эта [местность] называется Кольасуйу – и на запад – называется Кунти-суйу. Говорят, что по прошествии потопа, о котором они знают только то, что он был, [и] невозможно понять, был ли он всеобщим времени Ноя или каким-то особым, другим, в силу чего мы будем говорить только то, что они сами рассказывают о нем и о других подобных вещах, ибо то, что рассказывают об этом, больше похоже на фантазию или плохо придуманные (ordenado) сказки, чем на исторические события; говорят же они, что когда остановились воды в Тиа-ванаку, который находится на юг от Коско, то появился человек, который оказался столь могучим, что разделил мир на четыре части и отдал их четырем мужчинам, которых назвал королями; первого звали Манко Капак, а второго Кольа, а третьего Токай, а четвертого Пинава. Говорят, что Манко Капаку он отдал северную часть, а Кольа – южную часть (по имени которого потом назвали Кольа ту большую провинцию), а третьему, по имени Токай, он отдал западную часть, а четвертому, которого звали Пинава, – восточную; и послал он каждого из них в свою область (distrito) завоевать людей и править теми, кого они там встретят; и не могут они сказать, утопил ли индейцев потоп или они воскресли, чтобы быть завоеванными и наставленными; и такие [нелепости] имеются во всем, что они говорят о тех временах. Они говорили, что из этого передела земли потом родилась та, которую инки сделали своим королевством, назвав его Тавантин-суйу. Говорят, что Манко Капак направился на север, и пришел в долину Коско, и основал тот город, и покорил вокруг соседей, и наставил их; и рассказывают они об этом начале почти то же самое, что говорили о нем мы, а [именно], что короли инки происходят от Манко Капака; об остальных же королях они не знают, что говорить; и так выглядят все истории той древности; и не следует пугаться того, что люди, не имевшие письма (letras), которое помогло бы им сохранить память о старине, передают столь путанно то начало, ибо даже о язычестве Старого Света, несмотря на наличие письма и такого большого интереса к нему, выдумано столько смехотворных и других подобных легенд, как, например, та, что посвящена Пирру и Девкалиону, и другие, которые мы могли бы рассказать, ибо во многом схожи [легенды] разных язычеств; точно так же имеется нечто схожее [у этих легенд] с историей Ноя, как это хотели сказать некоторые испанцы, о чем будет сказано ниже. То, что я сам полагаю о происхождении инков, я скажу в конце.

О другом варианте (manera) происхождения инков, схожим с предыдущим, рассказывают те индейцы, которые живут на восток и на север от города Коско. Они говорят, что при возникновении мира из неких окон в скалистых горах, расположенных рядом с городом [Коско], в месте, которое называется Паукар-тампу, вышли четверо мужчин и четверо женщин; все они были братьями и сестрами, а вышли они из среднего окна – всего их было три, которое назвали королевским окном; из-за этой легенды то окно было украшено со всех сторон огромными листами золота и множеством драгоценных камней; боковые же окна украсили только золотом без камней. Первого брата звали Манко Капак, а его жену Мама Окльо; говорят, что он основал город и он же назвал его Коско, что на особом языке инков означает *пупок*, и покорил те народы, и научил их быть людьми, и что от него происходят все инки. Второго брата зовут Айар Качи, а третьего Айар Учу, а четвертого Айар Саука. Слово (dicción) *айар* ничего не означает на всеобщем языке Перу; на особом [языке] инков оно должно иметь какое-то значение; остальные слова относятся к всеобщему языку. *Качи* означает *соль*, которую мы едим; а *учу* — это приправа, которую они бросают в жаркое и которую испанцы называют перцем; индейцы Перу не имели других специй (especias). Другое слово *саука* означает *ликование, удо-*

влетворение и *радость*[5]. Сделав выжимку из того, что индейцы [говорили] о содеянном теми тремя братьями и [тремя] сестрами своих первых королей, [можно сказать], что они рассказывали тысячи бессмыслиц и, не находя лучшего выхода, они иносказательно объясняли легенду, утверждая, что под *солью* — одним из имен, они понимают учение, которое инка дал им об естественной жизни, а под *перцем* — вкус, познанный от нее; а под словом *ликование* понимается удовлетворение и радость, с которыми они после этого жили; однако все это говорилось такими окольными путями, без всякого порядка и столь несогласованно, что то, что они хотят сказать, скорее угадываешь, нежели понимаешь из их речи и порядка их слов. Они утверждают только, что Манко Капак был первым королем и что от него происходят все остальные короли.

Таким образом, все три пути сходятся в том, что инки [берут свое] начало и происхождение от Манко Капака, а о трех других братьях они не упоминают; они предпочитают разделаться с ними иносказательным путем и остаться с одним Манко Капаком, и похоже, что это так и было, ибо после этого [упоминания] никогда ни один король, ни его потомки – мужчины не назывались теми именами, и не было народа, который бы чванился своим происхождением от них.

Некоторые любознательные испанцы, слушая эти рассказы, хотят сказать, что индейцам была ведома история Ноя, его трех сыновей, жены и невесток, которые и были теми четырьмя мужчинами и четырьмя женщинами, которых бог спас от потопа, что это – те самые люди, о которых рассказывает легенда, но что вместо окна в Ноевом ковчеге индейцы говорили об окне в Паукар-тампу; а могучего человека, о котором первая из легенд говорит, что он появился в Тиа-ванаку, и который, как рассказывают, поделил мир между теми четырьмя мужчинами, любознательные [испанцы] хотят считать богом, который послал Ноя и его трех сыновей, чтобы они заселили мир. И в других местах той или иной легенды [испанцы] хотят видеть сходство со святейшей историей, на которую, как им кажется, они похожи. Я не могу вмешиваться в столь глубокие дела; я просто рассказываю исторические легенды, которые я в детстве услышал от своих [родных]; я воспринял их такими, какими каждый из них хотел представить, и передаю их с иносказательностью, более всего соответствующей им. Наподобие легендам, которые мы рассказали об инках, другие народы Перу придумывают бесконечное множество [легенд] о происхождении и начале своих первородителей; как мы это увидим в рассказе об истории, они отличаются друг от друга; индеец не считается добропорядочным, если не происходит от родника, от реки или озера, пусть даже от моря или от хищных зверей, таких как медведь, лев или тигр, или от орла, или от птицы, которую называют кунтур, или от хищных птиц, или от горных хребтов, от вершин, от утесов или пещер, каждый по своей прихоти и ради своей хвалы и славы, а для легенд хватит того, что было сказано.

[5] Имена родоначальников племени приведены у Гарсиласо в народном осмыслении: «соль», «перец», «радость». Сиеса де Леон (1959, 31) перечисляет несколько иные имена: Манко, Качи, Авга (= «Савка»), Око (= «Учу»). Традиция подразделения племени на четыре «рода» отразилась в разделении государства инков на четыре (весьма неравные) «провинции», управлявшиеся полномочными наместниками («вице-королями»).

Глава XIX. Торжественное заявление автора по поводу [настоящей] Истории

Так как мы уже заложили первый (хотя и легендарный) камень в наше здание о происхождении инков, королей Перу, имеет смысл продолжить дальше [рассказ] о завоеваниях и покорении индейцев, слегка пополнив суммарное сообщение, которое передал мне тот инка, сообщениями многих других инков и индейцев, урожденных [тех] селений, которые этот первый инка Манко Капак приказал заселить и включил в свою империю, с которыми я рос и поддерживал связь до двадцати лет.

В то время я узнал все то, о чем мы будем писать, потому что во время моего детства они рассказывали мне свои истории так, как детям рассказывают сказки. Позже, в более старшем возрасте, они изложили мне длинное сообщение о своих законах и правлении, сопоставляя новое правление испанцев с [правлением] инков, рассматривая отдельно, в частности, преступления и наказания и [степень] их суровости; они рассказывали мне, как поступали их короли в мире и на войне, как они обращались со своими вассалами и как они [вассалы] служили им. Кроме того, они рассказывали мне, словно своему родному сыну, о всем своем язычестве, о своих ритуалах, церемониях и жертвоприношениях; о своих главных и неглавных праздниках, как они праздновались; они говорили мне о своих дурных наклонностях (abusos) и суеверии, о своих добрых и злых предзнаменованиях, которые они видели как в жертвоприношениях, так и вне их. В целом могу сказать, что они сообщили мне обо всем, что имелось в их государстве, и, если бы я тогда все записал, эта история была бы более точной. Помимо того, что мне рассказали индейцы, я сам смог увидеть своими глазами многое из того язычества, из его празднеств и суеверий, которые еще в мои времена – вплоть до двенадцати или тринадцати лет моего возраста – не во всем еще прекратились. Я родился восемь лет спустя после того, как испанцы захватили мою землю, и, как я уже говорил, я жил там вплоть до двадцати лет; таким образом, я видел многие из тех вещей, которые индейцы совершали в том язычестве, о которых я расскажу, указывая на то, что я их видел [сам]. Помимо сообщений, которые передали мои родственники о названных вещах, и помимо того, что я видел [сам], я располагал еще многими другими сообщениями о завоеваниях и [других] делах тех королей, потому что как только я взялся писать эту историю, я написал соученикам по школе и грамматике, поручив каждому из них помочь мне сообщениями, которыми они могли располагать об отдельных завоеваниях, которые инки осуществили в провинциях, [откуда происходили родом] их матери, ибо каждая провинция располагала своими отчетами (cuentas) и своими узлами (ñudos) с их историческими хрониками и традициями, и поэтому они лучше сохраняли [сведения] о том, что случилось в этой, чем в чужой [провинции]. Соученики, отнесясь серьезно к тому, о чем я их просил, рассказали о моем намерении каждый своей матери и своим родным, а они, узнав, что некий индеец, сын их земли, хочет написать о случившихся на ней событиях, достали из своих архивов сообщения об историях, которые у них были, и направили их мне; и таким путем я получил сообщения о делах и завоеваниях каждого инки; они были точно такими же [сообщениями], какими располагали испанские историки, хотя и более длинными, как мы не раз убедимся в этом. И так как все дела, начиная от первого инки, являются началом и основой *Истории*, которую мы должны написать, представляется весьма необходимым [именно] здесь подробно рассказать о них, по крайней мере о самых важных из них, ибо в дальнейшем мы не будем повторять их [в рассказах] о жизни и делах каждого из инков, его потомков; потому что все они, как правило, как короли, так и не короли, стремились подражать всем и во всем характеру, делам и обычаям (costumbres) этого первого князя Манко Капака; и, поведав о его делах, мы расскажем о делах их всех. Мы будем внимательно рассказывать о наиболее исторически [значимых] подвигах, не касаясь многих других, поскольку они были бы не к месту и

[привели] к многословию; и хотя некоторые места из сказанного, а другие из того, что будет сказано в дальнейшем, покажутся сказками, я все же решил написать о них, чтобы не выбросить те основы, на которых индейцы базируют самое значительное и самое лучшее из того, что они рассказывают о своей империи; потому что в конце концов из этого сказанного возникли великие творения (granderas), которыми сегодня совершенно реально владеет Испания, в связи с чем я позволю себе рассказать то, что более всего подходит для сообщения, которое можно было бы сделать о начале, среднем периоде и конце той монархии, и я торжественно заявляю, что буду лишь излагать о ней те сведения, которые я впитал вместе с материнским молоком, а также сообщения, полученные позднее здесь, о которых я просил своих собственных [родных]; и я обещаю, что их пристрастность не сможет [даже] частично увести меня в сторону от изложения правды, не вынудит меня изъять что-то плохое либо приписать хорошее к тому, что было у них, ибо я хорошо знаю, что язычество представляет собою море ошибок; и я не напишу ничего нового, о чем не было бы сказано, а только то, о чем уже писали испанские историки, рассказывая о той земле и о ее королях; я буду приводить в доказательство их же собственные слова там, где это будет необходимо, чтобы было видно, что я не прибегаю к подделкам в пользу моих родных, а говорю то же самое, что говорили испанцы; я буду служить лишь комментатором, чтобы объявить и расширить сведения о многих вещах, о которых они лишь упомянули, оставив несовершенным [рассказ о них], поскольку им не хватало полных сообщений.

Многое другое из того, что недостает в их историях, но имело место в действительности, будет добавлено, а кое-что как лишнее будет изъято либо из-за неверных сообщений, которые были ими получены, или из-за неумения испанца спросить с учетом разницы времени и эпох (edades), различия между провинциями и народами, или оттого, что он не понимал получаемое от индейца сообщение, или потому, что они не понимали друг друга из-за трудностей в языке, ибо испанец, считающий, что он знает больше, чем другой [собеседник], не имеет представления о девяти из десяти частей, поскольку одно и то же слово может означать много предметов и существует различное произношение одного и того же слова (dicción) для обозначения весьма различных предметов, как это можно будет увидеть в дальнейшем на [примере] некоторых слов, которые мы будем вынуждены использовать.

Все, что я расскажу, помимо этого, о том государстве, скорее разрушенном, нежели познанном, будет мною изложено правдиво; [я расскажу] о том, что оно имело в древности из идолопоклонства, ритуалов, жертвоприношений и церемоний и в своем правлении, законах и обычаях в мире и на войне, [но] я не стану прибегать к сравнению чего-либо здешнего со схожим чужим, имеющим место в историях божественных и людских или в правлении нашего времени, потому что любое сравнение одиозно. Тот, кто прочтет все это, сможет по своему желанию заниматься сравнением, ибо он найдет многое, схожее с античным миром, другое – со Святым Писанием или с непристойными россказнями (profanas) и сказками древнего язычества; он увидит, что многие законы и обычаи похожи на законы нашего века; многие же другие он найдет во всем нам противоположными; я со своей стороны сделал то, что смог, хотя не смог сделать то, что хотел. Благоразумного читателя я умоляю принять мои добрые намерения, выразившиеся в желании подарить ему удовольствие и удовлетворение, хотя ни силы, ни способности индейца, рожденного среди индейцев и воспитанного среди оружия и лошадей, не могут этого достичь.

Глава XX. Селения, которые приказал заселить первый инка

Возвращаясь к инке Манко Капаку, мы расскажем, что после того как город Коско был основан [им] в виде двух групп жителей (parcialidades), о которых говорилось выше, он приказал основать много других селений; и было так, что на востоке от города на пространстве, простирающемся [от Коско] до реки, называемой Паукар-тампу, он приказал заселить тринадцать селений людьми, которых он привлек в этой стороне, расположив их по обе стороны королевской дороги на Анти-суйу, которые мы не станем называть, чтобы избежать многословия; почти все они или все принадлежат к племени (nación) по имени покес. На западе от города, на пространстве длиною в восемь лиг и шириною в девять или десять он приказал заселить тридцать селений, которые идут по одну сторону и по другую сторону от королевской дороги на Кунти-суйу. Эти поселения принадлежали трем племенам, именовавшимся по-разному; их следует знать: маска, чильки, папури. На севере от города были заселены двадцать селений, принадлежавших четырем племенам, каковыми являлись майу, санку, чинча-пукуйу, римак-тампу. Остальные селения расположены в красивой долине Сакса-вана, где имело место сражение и пленение Гонсало Писарро. Самое дальнее из этих селений находится в семи лигах от города, а все остальные расходятся по одну и по другую руку от королевской дороги на Чинча-суйу. На юг от города были заселены тридцать восемь или сорок селений; восемнадцать племенем айар-мака – они находились по одну и по другую руку от королевской дороги на Кольа-суйу на пространстве в три лиги длиной, начиная от местечка Лас-Салинас, расположенного в малой лиге от города, где произошло достойное сожаления сражение между доном Диего де Альмагро Стариком и Эрнандо Писарро; остальные селения принадлежали людям пяти или шести [племен], называвшихся кеспиканча, муйна, уркос, кевар, варук, кавинья. Это племя кавинья чванилось своей пустой верой в то, что его первородители вышли из одной лагуны, в которую, говорят, возвращались души тех, кто умирал, и что оттуда они снова возвращались, войдя в тела тех, кто рождался; у них был идол ужасающего вида, которому они приносили очень варварские жертвы. Инка Манко Капак запретил эти жертвоприношения, и отнял идола, и приказал им, как всем своим вассалам, поклоняться Солнцу.

Эти селения, число которых превышало сотню в тот первоначальный период, были небольшими, ибо самые крупные из них не превышали ста домов, а самые маленькие имели от двадцати пяти до тридцати [домов]; позднее благодаря благодеяниям и привилегиям, которыми одарил их сам Манко Капак, как мы скажем об этом ниже, они намного разрослись, ибо многие из них уже имели по тысяче жителей (vezinos), а самые маленькие по триста и по четыреста. Позднее, очень много времени спустя, из-за этих самых привилегий и благодеяний, которыми первый инка и его потомки одарили их, их уничтожил великий тиран Атавальпа; одни из них пострадали больше, другие – меньше, а многих он уничтожил полностью. Сейчас, в наше время, отдаленное немногим более чем двадцатью годами от тех событий, те селения, которые инка Манко Капак приказал заселить, как и почти все остальные, которые были в Перу [до испанцев], находятся не на своих старых местах, а на совсем других, ибо один вице-король, как об этом своевременно будет сказано, заставил свести их в большие селения, соединяя по пять и шесть селений в одно и по шесть и восемь в другое, и число это колебалось в зависимости от того, какими были объединившиеся селения, в связи с чем возникло множество неудобств; однако [говорить о них] одиозно, и разговор об этом прекращается[6].

---

[6] Дон Франсиско Альварес де Толедо-и-Пачеко, вице-король Перу (1569–1589), приказал согнать индейцев в большие селения для удобства взимания податей и наблюдения за принудительными работами. В результате этой операции («редукция») погибло около 300 000 жителей.

Глава XXI. Чему обучал инка своих вассалов

Инка Манко Капак, заселяя свои селения, вместе с обучением своих вассалов возделыванию земли, и строительству домов, и проведению оросительных каналов, и другим остальным вещам, необходимым для человеческой жизни, обучал их благовоспитанности, содружеству (compañía) и братству, которые они должны были проявлять в отношениях друг с другом, в соответствии с тем, чему учили их разум и закон природы, весьма успешно убеждая их, что для того чтобы между ними царил бы вечный мир и согласие и не рождались бы гнев и страсти, следует для другого делать то, что ты желаешь для себя, ибо нельзя позволять себе для себя хотеть один закон, а для других – другой. В особенности он приказал проявлять всеобщее уважение в отношении к женщинам и дочерям, потому что касательно женщин у них царили самые варварские из всех пороки. Он ввел смертную казнь для прелюбодеев, убийц и воров. Приказал иметь не более одной жены, и чтобы женились они среди своих, не смешивали бы роды, и чтобы женились после двадцати лет и старше, чтобы они уже могли бы [сами] управлять своими домами и работать в своих поместьях. Он приказал собрать домашний (manso) скот, бродивший без хозяев по полям, шерстью которого он их всех одел, используя ремесла и обучение в деле изготовления пряжи и ткани, полученные индианками от королевы Мама Окльо Вако. Он научил их делать обувь, именуемую *усута*, которую носят сегодня. Для каждого селения или племени, которые он подчинил, он избрал *курак*, что означает то же самое, что *касике* на языке Кубы и Санто-Доминго, т. е. господин вассалов; он выбирал их исходя из их достоинств – того, кто больше трудился для покорения индейцев, проявив себя более приветливым, мягким и благочестивым [человеком], большим другом к общему добру, – их он сделал господами над всеми остальными, чтобы они обучали их как отцы сыновей; индейцам же он приказал слушаться их, как [слушаются] сыновья отцов.

Он приказал, чтобы плоды, которые собирали в каждом селении, хранились бы вместе, чтобы каждому дать то, в чем он нуждался, пока не появится возможность дать землю каждому индейцу отдельно. Вместе с этими заветами и правилами он обучал их божественному культу своего идолопоклонства. Он указал место для возведения храма Солнцу, где ему будут приносить жертвы, убедив их в том, чтобы они почитали его как главного бога, которому поклонялись бы и воздавали благодарность за природные блага, которые он дарил им своим светом и теплом, ибо они видели, что поля плодоносили для них и умножались их стада, [и это] помимо других милостей, которые они получали каждый день; и что они, в частности, обязаны были поклоняться и служить Солнцу и Луне за то, что они послали им двух своих детей, которые, вырвав их из звериной жизни, которую они до этого вели, привели их к жизни человеческой, которой они жили в настоящем. Он приказал построить дом женам Солнца, когда число женщин королевской крови было достаточно большим, чтобы заселить его. Он приказал им все это соблюдать и выполнять в знак благодарности за полученные этими людьми благодеяния, ибо они не могли их отрицать; и от имени своего отца Солнца он обещал им многие другие блага, если они так поступят; и они твердо должны были знать, что говорил он им те вещи не от себя, а что раскрывало их Солнце, приказывая ему сказать все это индейцам от своего имени, что оно, будучи отцом, вело и обучало его всем своим делам и помыслам (dichos). Индейцы с наивностью, которая была им свойственна как тогда, так и всегда, вплоть до нашего времени, поверили всему тому, что сказал им инка, а главным образом тому, что он сказал им, что является сыном Солнца, потому что среди них были народы, чванившиеся происхождением, [взятым] из подобных же сказок, как мы скажем об этом дальше, хотя они и не сумели подобрать их столь же удачно, как инка, потому что они брали свое начало от животных и от вещей низких и земных. Тогда и в более поздние времена индейцы, сравнивая свое происхождение с [происхождением] инки и видя благодеяния, которые он принес им, поддержали его; они самым

решительным образом поверили, что он – сын Солнца, и обещали ему соблюдать и выполнять то, что он им приказывал; и они почитали его как сына Солнца, признавая, что ни один человеческий человек не смог бы с ними сделать то, что сделал он; и поэтому они верили, что он был божественным человеком, пришедшим с неба.

Глава XXII. Знаки милости, которыми инка удостоил своих вассалов

Упомянутыми и другими подобными делами инка Манко Капак занимался много лет на благо своих вассалов, и, испытав их верность, любовь и уважение, с которыми они ему служили, поклонение, отдаваемое ему, он решил, что для того, чтобы они испытывали еще большую обязанность, [нужно] было облагородить их именами и знаками, которые сам инка носил на голове; а случилось это уже после того, как он убедил их в том, что был сыном Солнца, чтобы они более высоко ценили бы их. Для этого необходимо знать, что инка Манко Капак, а потом и его потомки, подражая ему, ходили стрижеными, оставляя волосы лишь в палец [длиной]; они стриглись каменными ножами, скобля волосы сверху вниз, сохраняя указанную длину. Они пользовались каменными ножами, потому что не сумели изобрести ножницы; стрижка стоила им большого труда, как любой может себе это представить; поэтому, когда позднее они увидели, с какой легкостью и мягкостью стригут ножницы, один инка сказал нашему соученику по письму и чтению: «Если бы испанцы, ваши отцы, принесли бы нам только лишь ножницы, зеркала и расчески, мы отдали бы им все золото и серебро, которое мы имели на своей земле». Кроме того, что они ходили стрижеными, они проделывали отверстия в тех местах ушей, где обычно женщины делают дырочки для серег, увеличивая искусственным путем эти отверстия (подробнее мы расскажем об этом своевременно) до удивительней величины, невероятной для тех, кто их не видел, потому что кажется невозможным, что такое малое количество мяса, которое имеется под ухом, могло так растянуться, что оказывалось возможным вмещать туда ушное украшение (orejera) размером и формой с гончарный круг, ибо украшения, которые они вставляли в те петли, которые делали из [мочек] ушей, были подобны [гончарному] кругу; если же случалось, что петли эти разрывались, то выяснялось, что они были длиною в большую четверть вары (gran cuarta de vara), а толщиною в половину пальца. А за то, что индейцы вот таким способом, как мы рассказали, украшали себя, испанцы прозвали их ушастыми (orejón).

Инки в качестве украшения носили на голове плетеную тесьму, которая называется *льауту*, они делали ее из нитей многих цветов шириною в палец и немного меньшей толщиной. Этой тесьмой они повязывали голову и делали четыре или пять витков, и она свисала (quedaba), как гирлянда. Эти три знака различия, каковыми являются *льауту*, стрижка и уши с отверстиями, являлись главными, которые употребляли инки Манко Капак, – о других знаках мы скажем дальше – они были знаками различия королевской особы, и их не мог употреблять никто другой. Первая привилегия, которую инка предоставил своим вассалам, выразилась в том, что он приказал им всем в подражание ему самому носить на голове плетеную тесьму, однако она не должна была быть разноцветной, как та, которую носил инка, а только одного цвета, каковым стал черный [цвет].

По прошествии некоторого времени он оказал им милость и другим своим знаком отличия, к которому они относились с большей благосклонностью; и был это приказ, [разрешавший] им ходить стрижеными, однако при этом должно было сохраняться отличие одних вассалов от других и всех их от инки, чтобы не было путаницы в делении, которое он приказал установить для каждой провинции и каждого народа (nación), и чтобы они не очень походили бы на инку и между ними было бы достаточно большое различие; и так он приказал, чтобы одни носили косу (coleta) наподобие четырехугольной шапочки с ушами: это значит, что она открывала лоб до висков, а по бокам волосы спускались до самого кончика ушей. Другим он приказал носить косу до середины уха, а другим еще короче, однако чтобы никто не носил волосы так коротко, как инка. И необходимо заметить, что все эти индейцы, и главным образом инки, заботились о том, чтобы не дать отрасти волосам – они всегда носили их одной и той же длины, чтобы в одни дни не выглядеть [обладателями] одного знака отличия, а в другие

дни – другого. Такими нивелированными ходили все они, когда вопрос касался знаков отличия и различий [в украшении] головы, ибо каждый народ кичился своими, а еще больше теми знаками отличия, которые были им даны рукою инки.

Глава XXIII. Другие еще более милостивые знаки отличия, [связанные] с именем инки

По прошествии нескольких месяцев и лет он оказал им новую, еще более приятную, чем прошлые, милость, приказав им сделать отверстия в ушах, хотя [здесь] тоже имелись ограничения [в частности] в размере отверстий в ухе, ибо оно не могло достигать половины того, что имел инка, а должно было быть меньше половины (de media atras), и носить в отверстиях разные предметы, соответствующие разным родам (apellidos) и провинциям. Одним он дал, чтобы они носили в качестве знака отличия палочку толщиной с указательный палец, как это было с племенами по имени майу и санку. Другим он приказал носить моток из белой шерсти, которая должна была высовываться по одну и другую сторону уха настолько, насколько высовывается ноготь большого пальца: это были [люди] из племени по имени покес. Людям муйна, чарук, чилька он приказал носить в ушах украшения из обычного тростника, который индейцы называют *тутура* (tutura). Племени римак-тампу и его соседям он приказал носить в ушах палку, которая на островах Барловенто называется *магей*, а на всеобщем языке Перу ее называют *чучау*; если с нее снять кору, то сердцевина оказывается пористой, мягкой и очень легкой. Трем родам Уркос, Йукай, Тампу – все они с низовий реки Йукай – он приказал в виде особой милости и любезности сделать в ушах более крупные отверстия, чем у других народов, однако они также не должны были достигать половины размера отверстий у инки, для чего он дал им мерку величины отверстия, как он сделал это и для всех других родов, чтобы отверстия не превышали [установленную] величину. Вставки в уши он приказал сделать из тростника *тутура*, потому что они были больше похожи на вставки инки. Они называли их вставками в уши (orejeras), а не серьгами, потому что они не свисали с ушей, а вставлялись в отверстия, проделанные в ушах, как пробка в горлышко кувшина.

Различия, которые по приказу инки существовали в знаках отличия, служили не только для того, чтобы не было бы путаницы между племенами и родами, но и для того, как об этом говорят сами вассалы, дабы также показать, что те из них, которые имели большее сходство со знаками короля, означали большую милость и были более желанны для него. Однако он давал их не по своему свободному волеизъявлению и не по степени личной привязанности к одним или другим вассалам, а в соответствии со здравым смыслом и справедливостью; тем, кто показался ему более восприимчивым к его учению и кто потрудился больше в покорении остальных индейцев, он придал большое сходство со своей особой в [части] знаков отличия, одарив их большей милостью и постоянно давая понять, что все то, что он сделал с ними, произошло благодаря приказу и откровению его отца Солнца, и индейцы верили ему, и поэтому они, что бы инка ни приказывал им и как бы он с ними ни обращался, были очень довольными, потому что, помимо того, что они считали его откровением (revelación) Солнца, они видели на собственном опыте благодеяния, которые получали, покорившись ему.

Напоследок, видя, что старость уже пришла, инка приказал, чтобы в городе Коске собрались бы самые главные из его вассалов; в торжественной беседе он сказал им, что намеревается вскоре вернуться на небо, чтобы отдохнуть со своим отцом Солнцем, который призывал его к себе (это были слова, которые говорили все его потомки короли, когда предчувствовали наступление смерти), и что, вынужденный покинуть их, он хотел оставить им свои наивысшие благодеяние и милость, каковыми являлось его королевское имя, которое позволит им и их потомкам жить в почете и уважении всего мира, и что он, считая их своими сыновьями, приказал, чтобы они и их потомки всегда назывались бы инками, не делая различий, не отличая одних от других, как это было в прошлом с другими его благодеяниями и милостями, чтобы они сообща и открыто радовались бы величию этого имени, ибо, поскольку они были первыми вассалами, которых он имел, и так как они покорились его воле, он любил их, как своих сыно-

вей, и с удовольствием дарил им свои знаки отличия и королевское имя и назвал их сыновьями; потому что он надеялся, что они и их потомки, как таковые сыновья, будут служить своему настоящему королю и тому, кто ему унаследует, в завоеваниях и покорении остальных индейцев ради увеличения своей империи; все это он приказал им хранить в сердце и в памяти и отплачивать [за милости] службой преданных вассалов; и что он не хотел, чтобы их жены и дочери назывались бы пальями, как [женщины] королевской крови, ибо, поскольку женщины не были способны служить, как мужчины, с оружием на войне, они точно так же не были способны носить королевскую фамилию и имя.

От этих инков, ставших [таковыми] по привилегии, произошли те, кого сейчас в Перу называют, инками, а их жен называют пальями и койами, чтобы дешево насладиться этими и другими подобными вещами, которые им и другим народам преподносят испанцы. Инков же королевской крови осталось мало, а из-за их бедности и нужды их знают и того меньше, ибо тирания и жестокость Ата-вальпы уничтожили их. А те немногие, которые спаслись, по крайней мере самые главные и известные из них, погибли во время других бедствий, как мы об этом своевременно скажем. Из знаков отличия, которыми инка Манко Капак украшал голову, он оставил для себя и для своих потомков королей только один – это была красная кисточка, [сделанная] наподобие бахромы и проходившая по лбу от одного виска до другого. У наследного принца она была желтой и меньшего размера, чем у отца. О церемониях ее вручения во время провозглашения наследного принца и о других знаках отличия, которые позже носили короли инки, мы расскажем дальше, в том месте, где коснемся того, как инков посвящали в рыцари.

Индейцы очень высоко оценили полученные ими от своего короля милости – знаки, ибо они принадлежали королевской особе, и хотя они были разными, о чем мы сказали, они восприняли их с огромной благодарностью, потому что инка заставил их поверить, что он дал их, как уже говорилось, по приказанию Солнца, распределяя их согласно заслугам каждого народа, и поэтому они ценили их необычайно высоко. Однако, когда они увидели грандиозность его последней милости, заключавшейся в [присвоении им] имени *инка*, и что она распространялась не только на них самих, но и на их потомков, они пришли в такое восхищение от величия королевской души своего князя, его щедрости и великодушия, что не знали, какую воздать ему хвалу. Между собой они говорили друг другу, что инка, не довольствуясь тем, что вырвал их из звериной [жизни] и превратил в людей, неудовлетворенный многочисленными благодеяниями, которыми он одарил их, обучив вещам, необходимым для человеческой жизни, и естественным законам для моральной жизни, и познанию своего бога Солнца, чего хватило бы, чтобы они стали бы его вечными рабами, оказался столь человечным, что отдал им свои королевские знаки отличия, а напоследок вместо того, чтобы обложить их данью и налогами, он передал им величие своего имени, такого и столь высокого, что оно между ними считалось святым и божественным, ибо никто не решался коснуться его устами, кроме как с величайшим почтением и только для того, чтобы упомянуть короля, а что сейчас, подарив им значимость и сан, он сделал его столь обычным для них, что все они могли наполнить им свои уста, поскольку стали приемными сыновьями [инки], находя удовлетворение в том, что были обыкновенными вассалами сына Солнца.

Глава XXIV. Имена и прозвища, которые индейцы присвоили своему королю

Индейцы, высоко ценя величие милосердия и любви, оказанных им инкой, воздали великое благословение и хвалу своему князю и начали искать титулы и прозвища, которые были бы равны величию его души и в совокупности своей выразили бы его героические добродетели, и так среди прочих придуманных ими имен оказались два. Одно было *Капак*, что означает *богатый*, но не поместьями, ибо, как говорят индейцы, этот князь не имел богатого состояния, а богатством духа, благонамеренности, сочувствия, милосердия, щедрости, справедливости, благородства и желания деяний на благо беднякам, и, так как все эти [качества] были у него такими великими, как их описывают его вассалы, они говорят, что его по достоинству назвали *Капаком*, что означает также *богатый* и *могучий в ратном деле.* Другое имя, которым они назвали его, было *Вак Чакуйак*, что означает *сторонник и благодетель бедных*, ибо если первое имя обозначало величие его души, то второе обозначало благодеяния, которые он совершил для своих [людей]; и с тех пор звали этого князя Манко Капак, а до этого его называли Манко Инка. Манко – имя собственное, мы не знаем, что оно обозначает на всеобщем языке Перу, хотя на особом [языке], на котором инки разговаривали друг с другом (который, как мне пишут из Перу, уже утерян полностью), оно должно было иметь какое-то значение, потому что большая часть всех имен королей имела его, как мы это дальше увидим, когда назовем другие имена. Для князя имя *инка* означало *господин*, или *король*, или *император*, а для остальных оно означает *господин*, а если передать полное его значение, то оно означает *мужчина королевской крови*, ибо курак, какими бы великими господами они ни были бы, не называют *инками; пальа* означает *женщина королевской крови*, а чтобы отличить короля от всех остальных инков, его называют *сапа инка*, что означает *единственный господин*, на манер того, как свои называют Турка [султана] Великим Господином. Дальше мы назовем все подлинные мужские и женские имена для любознательных, которым приятно их узнать. Индейцы также называли этого своего первого короля и его потомков *интип чурин*, что означает *сын Солнца*, но это имя они давали ему скорее из-за его происхождения, как они ошибочно считали, чем из-за положения.

Глава XXV. Завещание и смерть инки Манко Капака

Манко Капак царствовал многие годы, однако [никто] не знает достоверно сколько; некоторые говорят, что более тридцати, а другие – более сорока; он постоянно занимался делами, о которых мы говорили, а когда ощутил приближение смерти, то позвал своих сыновей, которых было много, как от его жены королевы Мама Окльо Вако, так и от сожительниц, которых он брал, говоря, что будет хорошо, если появится много сыновей Солнца. Он также позвал самых главных своих вассалов и в качестве завещания провел с ними долгую беседу, поручив наследному принцу и всем остальным своим сыновьям благодеяние и любовь к вассалам, а вассалам верность и службу своему королю и охрану законов, которые он им оставлял, заверив, что все они были даны его отцом Солнцем. С этим он простился с вассалами, а с сыновьями секретно провел другую беседу, которая была последней и в которой он приказал им вечно хранить в памяти то, что они были сыновьями Солнца, чтобы они уважали и поклонялись ему как богу и как отцу; он сказал им, что в подражание ему самому они должны охранять его законы и приказания и быть первыми в их соблюдении, чтобы служить примером вассалам и быть мягкими и сочувствующими, чтобы покорять индейцев любовью, привлекая их благодеяниями, а не силой, что [покоренные] с помощью принуждения никогда не станут хорошими вассалами; чтобы они поддерживали справедливость, не нанося обид; в заключение он сказал, что они должны своими наклонностями показывать, что были сыновьями Солнца, подтверждая в делах то, что свидетельствовали в словах, чтобы индейцы верили бы им и [не думали], что их обманывают, говоря одно, а делая другое. Он приказал, что все то, что он поручает им, они должны из поколения в поколение поручать своим сыновьям и потомкам, чтобы они выполняли и охраняли то, что им приказывал их отец Солнце, утверждая, что все это были его слова и что он завещает им эти слова и свою последнюю волю. Он сказал, что его призывает Солнце и он уходит к нему на покой; а они пусть остаются с миром, и он с неба будет заботиться о них, и благодетельствовать, и приходить на помощь во всех их нуждах. Сказав эти и другие подобные слова, инка Манко Капак умер; он оставил наследным принцем Синчи Рока, своего перворожденного сына от койи Мама Окльо Вако, своей жены и сестры.

Помимо принца, эта [чета] королей оставила других сыновей и дочерей, которые переженились друг на друге, чтобы сохранить в чистоте кровь, которая, как говорили, чудесным образом брала начало от Солнца, ибо это правда, что они очень почитали [кровь], которая брала свое начало и чистоту от этих королей, и не смешивали ее с другой кровью, ибо они считали ее божественной, а всю остальную – человеческой, даже если она принадлежала великим господам вассалов, которых звали *кураками.*

Инка Синчи Рока женился на своей старшей сестре Мама Окльо или Мама Кора (как другие говорят), подражая примеру своего отца и своих дедов Солнца и Луны, потому что в своем язычестве они считали Луну сестрой и женой Солнца. Они совершили этот брак, чтобы сохранить чистоту крови и чтобы их сыну-наследнику королевство принадлежало бы как по материнской, так и по отцовской [линии]; [для этого] были и другие соображения, о которых мы скажем дальше более подробно. Остальные братья и сестры также поженились друг на друге, чтобы сохранить и увеличить потомство инков. Они говорили, что женитьба этих братьев и сестер друг на друге была предписана Солнцем и что инка Манко Капак так приказал, ибо его детям не на ком было жениться, [чтобы] сохранить при этом чистоту крови; однако позже никому не разрешалось жениться на сестре, кроме как инке-наследнику; они выполняли это, как мы увидим по ходу истории.

Инку Манко Капака его вассалы оплакивали с великим страданием: плач и приношения длились многие месяцы; они забальзамировали его тело, чтобы он был бы рядом и [можно было] постоянно видеть его; они поклонялись ему как богу, сыну Солнца; они принесли ему

в жертву множество лам, викуний, и ягнят, и домашних кроликов, и птиц, и злаки, и овощи, признавая его господином всего того, что он оставил им. Если взять то, что я видел и знал о природных качествах и условиях жизни тех людей, то я могу предположить (congeturar) о происхождении этого князя Манко Инка, которого его вассалы за величие назвали Манко Капаком, лишь то, что он должен был быть неким благоразумным, рассудительным индейцем с хорошими способностями и что он смог хорошо понять великую простоту тех народов и увидеть, что они нуждаются в наставлении и обучении для настоящей жизни; и с помощью хитрости и проницательности, чтобы добиться уважения, он придумал ту легенду, говоря, что он и его жена являются детьми Солнца, которые спустились с неба, и что отец направил их, чтобы они наставили и принесли добро тем людям; а чтобы заставить их поверить себе, он должен был придать своей внешности и поведению [нечто необычное], в частности такие огромные уши, какие имели инки и которые действительно невозможно представить тем, кто их не видел, как [их видел] я, а тому, кто их сейчас увидел бы (если бы уши удлинялись), было бы трудно понять, как им удавалось так удлинять их; а поскольку совершенные им для своих вассалов благодеяния и почести подтверждали легенду о его генеалогии, индейцы твердо поверили, что он был сыном Солнца, спустившимся с неба, и они почитали его таковым, ибо точно так же поступили античные язычники, хотя они были менее тупыми, в отношении тех, кто принес им подобные же благодеяния; потому что те люди ни на что так не реагируют, как на то, что слова их учителей не расходятся с их поступками, и когда они убеждаются, что в жизни доктрина и действие совпадают, нет больше нужды в аргументах для того, чтобы побуждать их делать то, чего от них хотят. Я рассказываю об этом потому, что ни инки королевской крови, ни простые люди не дают никакой другой [версии] происхождения своих королей, кроме той, с которой мы познакомились в их исторических легендах, которые похожи одна на другую, и все сходятся на том, что Манко Капак был первым инкой.

Глава XXVI. Королевские имена и их значение

Будет правильно, если мы коротко расскажем о значении королевских нарицательных имен, как мужских, так и женских, и как и кому их присваивали, и как ими пользовались, чтобы была видна та забота, которую инки проявляли при выборе имени и прозвища, что само по себе не является значительным делом. И начиная с имени *инка* следует знать, что у королевской особы оно означает *король*, или *император*, а для их потомков оно означает *мужчина королевской крови*, ибо имя *инка* принадлежало всем им с указанной разницей, однако потомство шло только по мужской, а не по женской линии. Они называли своих королей *сапа инка*, что означает *единственный король*, или *единственный император*, или *единственный господин*, потому что *сапа* означает *единственный*; и это имя они не давали никому из родственников [короля], ни даже наследному принцу, пока он не унаследует престол; потому что король мог быть только один единственный и нельзя было присваивать его имя другому, ибо это означало бы появление многих королей. Они точно так же называли их *вакча-куйак*, что означает *покровитель* и *благодетель бедных*, и это прозвище они также никому другому не давали, а только королям из-за [их] особой заботы, которую они все, начиная от первого и кончая последним [королем], проявляли в деле оказания добра своим вассалам. Впереди уже говорилось о значении имени *капак*, которое означает: [человек] королевского достоинства, богатый благородством в отношении своих [вассалов]; его давали только королю и никому другому, потому что он был их главным благодетелем. Они называли его также *Интип чурин*, что значит *сын Солнца*, и это имя они давали всем мужчинам королевской крови, потому что, согласно их легенде, они происходили от Солнца, а женщинам его не давали.

Сыновей короля и всех его родственников по мужской линии называли *ауки*, что означает *инфант*, как в Испании [называют] младших сыновей королей. Они сохраняли это имя до женитьбы, а после женитьбы их звали *инка.* Таковы были имена и прозвища, которые давали королю и мужчинам его королевской крови; помимо них, имелись другие, о которых вы дальше узнаете и которые, будучи именами собственными, превратились в родовые имена (apellidos) потомков.

Перейдя к простым и родовым именам женщин королевской крови, нужно сказать, что королеву, законную жену короля, называли *койа*, что означает *королева*, или *императрица.* Ее также называли *маманчик*, что означает *наша мать*, потому что в подражание своему мужу она считалась матерью всех своих родных и вассалов. Их дочерей называли *койа* из-за принадлежности к материнскому [роду], а не по их настоящим именам, ибо это имя *койа* принадлежало королеве. Сожительниц короля, которые принадлежали к числу его родственниц, и всех женщин королевской крови называли *пальа* — это означает *женщина королевской крови.* Всех остальных сожительниц короля, которые были чужеродными и не принадлежали к королевской крови, называли *мама-куна*, их можно было бы назвать матронами, ибо в своем полном значении [это слово] означает женщину, которая должна выполнять обязанности матери. Инфант, дочерей короля, и всех остальных дочерей королевского рода и их родственниц называли *ньуста*, что означает *девушка королевской крови*; однако между ними существовала следующая разница: законнорожденные [девушки] королевской крови назывались просто *ньуста*, чем давалось понять, что они были законнорожденными по крови; [девушек] по крови незаконнорожденных называли так же, [прибавляя] название провинции, откуда родом была ее мать, как например Кольа ньуста, Банка ньуста, Йунка ньуста, Киту ньуста, и так остальные провинции; и это имя *ньуста* они сохраняли до замужества, а выйдя замуж, они назывались *пальа.*

Эти имена и прозвища давали потомкам королевской крови по мужской линии; когда же эта линия отсутствовала, хотя мать и была родственницей короля, ибо во многих слу-

чаях короли отдавали своих родственниц от незаконных жен великим сеньорам, их сыновья и дочери не брали имена королевской крови, они не назывались ни *инками*, ни *пальями*, а по родовому имени своих отцов, потому что происхождение по женской линии не учитывалось инками, ибо они не хотели дать своей королевской крови опуститься с той высоты, на которой она пребывала, поскольку даже потомство по мужской линии, не говоря уже о женской, значительно теряло свою королевскую сущность, смешиваясь с кровью инородных женщин, а не женщин того же рода. Сопоставляя теперь одни имена с другими, мы видим, что имя *койа*, что означает *королева*, соответствует [мужскому] имени *сапа инка*, что означает *единственный господин*; а имя *маманчик*, что значит *наша мать*, соответствует имени *вакча-куйак*, что означает *покровитель* и *благодетель бедных*; а имя *ньуста*, что означает *инфанта*, соответствует имени *ауки*; а имя *пальа*, что означает *женщина королевской крови*, соответствует имени *инка*. Таковы были королевские имена, которые я застал и слышал, как ими назывались *инки* и *пальи*, потому что в детстве я беседовал главным образом с ними. *Кураки*, сколь великими господами они ни были бы, ни их жены, ни дети не имели права брать [себе] эти имена, потому что они принадлежали только людям королевской крови по мужской линии; и хотя дон Алонсо де Эрсилья-и-Суньига в своем заявлении, которое он делает по поводу индейских слов, употребляемых им в его изящных стихах, объясняет, что имя *пальа* означает *госпожа многих вассалов и поместий*, он говорит так потому, что, когда этот кабальеро прибыл туда, эти имена *инка* и *пальа* уже были неправильно присвоены многими особами, ибо славные и героические имена желаемы всеми людьми, какими бы варварами и низкими они ни были бы, и если некому воспрепятствовать этому, самые лучшие имена узурпируются, как это случилось на моей земле.

Конец первой книги

Книга вторая подлинных комментариев инков, в которой говорится *об идолопоклонстве инков и что шли они по следу нашего подлинного бога, ибо признавали бессмертие души и всеобщее воскрешение. Она рассказывает об их жертвоприношениях и церемониях и о том, что для управления своим [государством] они регистрировали своих вассалов по декуриям; [о] службе декуриона; о жизни и завоеваниях синчи рока, второго короля, и льоке йупанки, третьего короля, и о науках, которых достигли инки. Она содержит двадцать восемь глав*

Глава I. Идолопоклонство второго периода времени и его происхождение

Тот период, который мы называем вторым временем, и идолопоклонство, которое имело место тогда, берут начало от инки Манко Капака; он первым создал монархию инков, королей Перу, которые царствовали в течение более четырехсот лет, хотя отец Блас Валера говорит, что более пятисот и [даже] почти шестьсот лет[7]. Мы уже говорили, кем был и откуда пришел Манко Капак, как он положил начало своей империи и как он покорил тех индейцев, своих первых вассалов; как он обучил их сеять, и разводить скот, и строить свои дома и поселения, и всем остальным вещам, необходимым для поддержания естественной жизни; и как его сестра и жена королева Мама Окльо Вако научила индианок делать пряжу, и ткать, и воспитывать своих детей, и служить своим мужьям с любовью и почтением (regalo), и всему остальному, что добрая жена должна делать в своем доме. Мы также говорили, что они обучили их законам природы и дали им законы и заветы для духовной жизни ради всеобщего их блага и чтобы не было нападок на их честь и их имущество (hacienda); и сообща они обучили их своему идолопоклонству, и приказали им, чтобы они считали и поклонялись Солнцу как главному богу, убеждая их в этом его красотой и сиянием. Он говорил им, что ведь не просто так Пача-камак (который является тем, кто поддерживает мир) дал ему столько преимуществ перед всеми другими звездами неба, которые были у него в услужении, а для того, чтобы они его боготворили и считали своим богом. Он указывал им на многочисленные благодеяния, которые [Солнце]

[7] Государство инков возникло в середине XV в. при царе Пача-кутеке. Древность в 400 лет относится, вероятно, к предшествующему государству аймара Кольа, возникшему в XII в. (столица Хатун-Кольа на берегу озера Титикака). Древность в 600 лет относится к более раннему государству аймара со столицей в Тиа-ванаку (Тиауанако) на берегу того же озера, возникшему в X в.

ежедневно приносило им, и, наконец, на то, что оно направило к ним своих детей для того, чтобы превратить их, эти тупые существа, в людей, как они на опыте убедились в этом, а в дальнейшем по прошествии времени они увидят еще многие новые [благодеяния]. С другой стороны, он раскрывал перед ними низость и гнусность их многочисленных богов, говоря им: что могут ждать они от вещей столь гнусных, какую помощь они получат [от них] для своих нужд? Разве они получали такие милости от тех животных, которыми их ежедневно одаривал отец Солнце? Смотрите, и ваш взор откроет вам, что травы, и растения, и деревья, и все остальные вещи, которые они обожествляли, – все они взращивались Солнцем для того, чтобы они служили людям и [чтобы] ими кормились животные. Они увидели различие, которое было между сиянием и красотой Солнца и грязностью и безобразием жабы, ящерицы и лягушки и всех других пресмыкающихся, которых они считали богами. Помимо этого, он приказал охотникам поймать и принести их: он говорил им, что те пресмыкающиеся существовали скорее для того, чтобы вызывать чувство отвращения и ужаса, чем вызывать уважение и обращать на себя внимание. Подобными и другими грубыми рассуждениями инка Манко Капак убедил своих первых вассалов поклоняться Солнцу и считать его своим богом.

Индейцы, поверив убеждениям инки, а еще больше тем благодеяниям, которые он им принес, и видя собственными глазами свои заблуждения, стали почитать Солнце своим богом, единым, не присоединяя к нему ни отца, ни брата. Своих королей они считали детьми Солнца, потому что они наивнейшим образом верили, что тот мужчина и та женщина, которые столько для них сделали, были его [Солнца] детьми, пришедшими с неба; и так они стали поклоняться им, как божествам, а затем и всем их потомкам с гораздо большим внутренним и внешним почтением, чем древние язычники греки и римляне почитали Юпитера, Венеру, Марса и т. д. Я говорю, что они поклоняются им сегодня, как и прежде, ибо, чтобы упомянуть кого-либо из своих королей инков, они вначале совершают долгое и пышное поклонение; а если их укоряют, зачем они это делают, ибо им известно, что они [короли] были такими же, как они, людьми, а не богами, они говорят, что уже избавились от язычества, однако поклоняются им за те многие и великие благодеяния, которые получили от них, что они обращались со своими вассалами, как инки, дети Солнца, и если им покажут сейчас других, по крайней мере подобных людей, они будут им также поклоняться как божествам.

Рис. 5. Об идолах инков. Инти, Вана-каури, Танбо-токо. [*Слева:*] *Вана-каури. Танбо-токо. Пакари-танбо.* [*Внизу*]*: в Куско.* [*П. де Айяла, 264*]

Это было главное идолопоклонство инков, которому они обучили своих вассалов, хотя у них имелись многочисленные жертвоприношения, как мы расскажем дальше, и многие суеве-

рия, например вера в сны, в предзнаменования и другие столь же мошеннические вещи, которые они [инки], как многое другое, запретили; у них в конце концов не было других богов, кроме Солнца, которому они поклонялись за его естественное превосходство и за благодеяния, ибо они были более разумными и более обученными людьми, чем их предки из первого периода времени, и они построили ему невообразимо богатые храмы, и хотя они считали Луну сестрой и женой Солнца и матерью инков, они не поклонялись ей, как богине, не приносили ей жертвы, не возводили [в ее честь] храмы; они относились к ней с великим почтением, как к всеобщей матери, однако в своем идолопоклонстве они не пошли дальше. Грозу, гром и молнию они считали слугами Солнца, как дальше мы увидим это по помещению (aposento), которое им было отведено в доме Солнца в Коско, однако богами они их не считали, как хочет представить это один из испанских историков; они скорее проклинали и проклинают дом или любое другое место в поле, где случается упасть молнии: двери такого дома замуровывались глиной и камнями, чтобы никогда и никто не мог войти в него, а место в поле отмечали грудами камней, чтобы никто не ступил бы на него; те места они считали заколдованными, приносящими несчастья и проклятыми; они говорили, что Солнце своим слугою – молнией – указало, что они являются таковыми. Все это я видел в Коско в королевском доме, который принадлежал инке Вайна Капаку, в той его части, которая выпала на долю Антонио Альтамирано, когда тот город между собой делили конкистадоры; в одну из его комнат во времена Вайна Капака попала молния; индейцы замуровали камнем и глиной ее двери, считая это дурным предзнаменованием для своего короля: они сказали, что он должен потерять часть своей империи или с ним случится другое подобное несчастье, ибо отец Солнце указал на его дом как на несчастное место. Мне удалось проникнуть в замурованную комнату, позже перестроенную испанцами; через три года другая молния ударила и попала в эту же самую комнату и спалила ее всю. Индейцы среди прочих вещей говорили, что поскольку Солнце уже указало, что то место является проклятым, то зачем же испанцы снова начали строить там, а не оставили его покинутым, каким оно было, не обращая на него внимания. Однако, если бы они, как говорит тот испанский историк, считали бы их богами, совершенно ясно, что они должны были бы почитать те места как священные и построить там свои знаменитые храмы, говоря, что их боги – гроза, гром и молния – хотят жить в тех местах, ибо они сами указали на них и освятили их. Всех их троих вместе они называют *Ильапа* и по причине столь огромного сходства индейцы дали это имя [также] аркебузу. Все остальные имена, которые приписываются грому и Солнцу в троице (en Trinidad), были новыми образованиями испанцев[8], и в этом частном случае, и в других подобных не было у них достаточных сведений, чтобы утверждать подобное, ибо таких имен не было во всеобщем языке индейцев Перу, и даже в новых словообразованиях (которые не были достаточно хорошо образованы) нет ничего общего с тем значением, которое они хотят или хотели бы им придать.

[8] Миссионеры усиленно разыскивали у индейцев верования, сходные с христианскими, для облегчения проповеди. В том числе утверждалось, что индейцы уже были обращены в христианство апостолом Варфоломеем (отождествлявшимся с богом Вира-кочей), но в дальнейшем дьявол совратил их опять в язычество. Таким образом, христианские проповедники доказывали индейцам, что не навязывают им новую веру, а только восстанавливают древнюю истинную религию.

Глава II. Инки следовали подлинному богу, нашему господину

Помимо преклонения Солнцу, как зримому богу, которому они приносили жертвы и устраивали великие празднества (как мы расскажем в другом месте), короли инки и их амауты, которые были философами, шли с естественным горением (lumbre natural) за подлинным создателем неба и земли, всевышним богом и господином нашим, в чем мы убедимся дальше по аргументам и изречениям, которые некоторые из них высказывали о божественном величестве, которого они называли Пача-камак; это имя составлено из [слова] *пача*, что означает *мир, вселенная*, и из *камак*, являющегося причастием настоящего времени от глагола *кама*, означающего *оживлять*, а этот глагол происходит от слова *кама*, что означает *душа*; [таким образом], *Пача-камак* означает: *тот, кто вселяет душу в мир, вселенную*, а во всем подлинном значении [это слово] означает: *тот, кто делает со вселенной то, что душа с телом.* Педро де Сиеса, глава семьдесят вторая, говорит так: «Имя этого дьявола должно было означать *творец мира*, потому что *кама* означает *творец*, а *пача – мир*», и т. д. Будучи испанцем, он не знал язык [инков] так хорошо, как я – индеец инка. Они [инки] относились к этому имени с таким великим почтением, что не решались касаться его устами, а когда они вынуждены были произносить его, они выражали знаки любви и огромного послушания, пожимали плечами, склоняли голову и все тело, устремляли глаза на небо и опускали их к земле, поднимали раскрытые руки прямо над плечами, целуя воздух; среди инков и их вассалов это считалось проявлением высшего преклонения и почтения, с которыми они называли имя Пача-камака, преклонялись перед Солнцем или почитали короля и никого более, но здесь также учитывалось большее или меньшее значение ранга: лиц королевской крови чтили частью этих церемоний, а других начальников (superiores), каковыми являлись касики, чтили другими, весьма отличными и менее значимыми [церемониями]. Они относились к Пача-камаку с большим внутренним почтением, чем к Солнцу, ибо, как я говорил, не решались касаться устами его имени, а Солнце они называли на каждом шагу. На вопрос, кем был Пача-камак, они отвечали, что он был тем, кто дает жизнь вселенной и поддерживает ее, но они не знают его, потому что не видели его, и поэтому не возводят ему храмы, не приносят жертвы; однако они поклоняются ему в своем сердце (т. е. умственно) и считают его неизвестным богом. Агустин де Сарате, книга вторая, пятая глава, описывал, как отец фрай Висенте де Вальверде сказал королю Атавальпе, что Христос, господин наш, сотворил мир; как он говорит, инка ответил, что ничего не знал об этом и что, кроме Солнца, которого они считали богом, никто и ничего не создавал, и [почитали] они землю матерью и свои *ваки*, и что Пача-камак создал все то, что там было, и т. д.; из этого ясно следует, что те индейцы считали его [Пача-камака] творцом всех вещей.

Рассказываемую мною правду о том, что индейцы связывали с тем именем, а присвоили они его подлинному нашему богу, подтверждает дьявол во вред себе, хотя и на ее благо, ибо, будучи отцом лжи, он говорит правду, переодетую в ложь, или ложь, переодетую в правду. Как только он увидел, что индейцам проповедуют наше святое Евангелие и что они принимают крещение, он, [находясь] в долине, которую сегодня называют Пача-камак (из-за знаменитого храма, который построили там этому неизвестному богу), сказал некоторым своим родственникам, что бог, которого проповедуют испанцы, и он сам являются одним и тем же лицом, как об этом пишет Педро де Сиеса де Леон в *Демаркации Перу*, глава семьдесят вторая. И уважаемый отец фрай Херонимо Роман в *Государстве Западных Индий*, книга первая, пятая глава, говорит то же самое; оба они ведут речь об этом самом Пача-камаке, хотя из-за незнания собственного значения слова они называют его дьяволом.

Говоря, что бог христиан и Пача-камак являются одним и тем же лицом, он [дьявол] сказал правду, ибо индейцы хотели дать это имя богу всевышнему, который дает жизнь и суще-

ствование (ser) вселенной, как об этом говорит само имя. А вот говоря, что он сам является Пача-камаком, он солгал, ибо индейцы никогда не собирались давать это имя дьяволу, которого они называли не иначе, как Супай, что означает дьявол, и, прежде чем назвать его [по имени], они плевали в знак ругательства и отвращения; а Пача-камака они называли с поклонениями и совершая церемонии, о которых мы говорили. Но, поскольку этот враг имел столько власти среди тех неверных, он выдавал себя за бога, проникая во все то, чему поклонялись индейцы и почитали священным. Он говорил [устами] их оракулов, в храмах, в закоулках их домов и в других местах, заявляя им, что он является Пача-камаком и всем остальным, чему индейцы приписывали божественность; и в результате этого обмана они преклонялись перед теми вещами, из которых с ними говорил дьявол, воображая, что это и есть божество, о котором они думали, ибо, если бы они поняли, что это был дьявол, они сожгли бы их так, как это делают сейчас благодаря состраданию господа, который пожелал дать им знать о себе (comunicarselos).

Само собой, что индейцы не знают или не рискуют сообщать об этих вещах подлинными по своему значению и содержанию словами, поскольку видят, что испанские христиане питают отвращение ко всему, что касается дьявола, а испанцы также не пытаются прямо спросить о них, заранее считая их дьявольскими проделками (cosas), как они думают о них. И происходит это также по причине недостаточного знания всеобщего языка инков, без чего нельзя узнать и понять происхождение, и образование, и подлинное значение подобных выражений (dicciones). А поэтому в своих историях они дают другое имя богу, а именно Тиси Вира-коча, и я, и они тоже не знаем, что оно означает. Испанские историки так ненавидят имя Пача-камак, потому что не понимают значения [этого] слова. Но, с другой стороны, они правы, потому что в том богатейшем храме говорил дьявол, самозванно выдавая себя за бога под этим именем. Что же касается меня, являющегося благодаря бесконечному милосердию индейцем-христианином, католиком, то если бы меня спросили сейчас: «Как зовут бога на твоем языке?», я ответил бы: *Пача-камак*, ибо на том всеобщем языке Перу нет другого имени, кроме этого, которым можно назвать бога, а все другие [имена], которые упоминают историки, как правило, являются непригодными, так как они или не принадлежат всеобщему языку, или искажены языком каких-нибудь отдельных провинций, или являются новым словообразованием испанцев; и хотя некоторые из новых словообразований могут сойти [за слова], соответствующие испанскому смыслу, как *Пача-йачачер*, что должно было бы означать *создатель неба*, хотя означает *учитель мира* (enseñador del mundo), – ибо, чтобы сказать *создатель*, нужно было бы сказать *Пача-рурак*, поскольку *рура* обозначает *создатель*, – их плохо воспринимает тот всеобщий язык, потому что они не являются его собственными, а пришлыми [словами] и еще потому, что они частично принижают ту возвышенность и величие, на которые поднимает и которыми увенчивает бога имя *Пача-камак*, – мы говорим это ради истины, – являющееся его собственным именем, а чтобы было понятно то, о чем мы говорим, необходимо знать, что глагол *пача* означает *учиться*, а если прибавить к нему этот слог *ни*, он означает *обучать*; глагол *рура* означает *делать*, [создавать], а с *чи* он означает *делать, чтобы делали* или *заставлять, чтобы делали* — и так происходит со всеми глаголами, какие можно представить себе. И точно так, как те индейцы не обращали внимание на вещи спекулятивного характера, а [лишь] на вещи материальные, точно так эти их глаголы не обозначали изучение предметов духовного характера, ни созидание грандиозных и божественных творений, как сотворение мира и т. п., а только лишь изготовление и обучение низкому и механическому искусству и ремеслу, [иными словами], делам, которые свойственны людям, а не божествам. Всей этой материалистичности весьма чуждо [высокое] значение имени Пача-камак, которое, как указывалось, означает: *тот, кто делает с миром, вселенной то, что* [*делает*] *душа с телом*, что означает *дать ему существо, жизнь, рост* (aumento), *поддержку*, и т. п. Все это ясно указывает на несоответствие новых словообразований, которые делались для именования бога (если они должны передавать правильное значение того языка), из-за низменности их значения; однако можно надеяться, что

по мере их применения они станут приживаться и находить лучший прием [у индейцев]. И сочинители предупреждают, что не следует менять значение имени или глагола в словообразовании, ибо очень важно, чтобы индейцы воспринимали бы их правильно и не смеялись бы над ними, особенно при изучении христианской доктрины, ради которой их [словообразования] необходимо создавать, однако с величайшей осторожностью.

Глава III. У инков был крест в священном месте

Был у королей инков в Коско крест[9] из ценного бело-красного мрамора, который христиане называют яшмой; они не могут сказать, с каких времен он находится там. В году тысяча пятьсот шестидесятом я видел его в ризнице кафедрального собора того города, в которой он висел на гвозде с помощью шнура, проходившего через отверстие, проделанное в самой верхушке креста. Я вспоминаю, что шнурок был из кромки черного бархата; возможно, что во времена правления индейцев крест имел какое-нибудь ушко из серебра или золота, а тот, кто взял его там, где он находился, заменил его на шелк. Крест был квадратным, одинаковым в длину и в высоту; в длину он имел примерно три четверти вары, скорее меньше, нежели больше, а ширину в три пальца и почти такую же толщину; он был сделан целиком из одного куска, очень хорошо отделан, с очень четко высеченными углами, все одинакового [размера], образующими квадрат; камень был хорошо отшлифован и отполирован. Его хранили в одном из королевских домов в задней комнате, которая называется *вака*, что означает *священное место.* Они не поклонялись ему, а лишь относились с почтением, должно быть, из-за его красивой формы или по какой-либо другой причине, которую не могли объяснить. Так они хранили его, пока маркиз дон Франсиско Писарро не проник в долину Тумпис, а то, что там случилось с Педро де Кандиа, стало причиной поклонения и отношения к нему [испанцев] с великим почтением, как мы своевременно расскажем.

Когда испанцы захватили тот имперский город и построили храм нашему всевышнему богу, они повесили крест в том месте, о котором я рассказал, и лишь с тем украшением, о котором упоминалось, хотя было бы куда более справедливо поставить его на главном алтаре, богато украсив золотом и драгоценными камнями, ибо там они нашли столько всего этого, а индейцам внушать любовь к нашей святой религии с помощью их же собственных предметов [культа], сравнивая их с нашими, как можно было бы поступить с этим и другими крестами, которые занимали некое место в их законах и правилах, весьма близких к естественному закону, и которые можно было бы сравнить с предписаниями нашего святого закона и с добродетельными делами, которые, как мы увидим дальше, имелись в том язычестве и отличались большой схожестью [с нашими делами]. А поскольку речь шла о кресте, то нам следует сказать, что здесь [в Испании], как известно, практикуется клясться богом и на кресте, чтобы подтвердить то, что говорится как на суде, так и вне его, и многие поступают так, когда нет необходимости в клятве, а в силу дурной привычки, скажем, чтобы внести таким путем путаницу; инки же и все народы их империи никогда не знали, что такое клятва. Уже говорилось о том, с каким почтением и послушанием они касались своими устами имен Пача-камака и Солнца, произнося их только для того, чтобы выразить им поклонение. Когда же допрашивали какого-нибудь свидетеля, вне зависимости от серьезности дела, судья говорил ему (вместо приношения клятвы): «Обещаешь говорить правду инке?». Свидетель говорил: «Да, обещаю». Он снова говорил ему: «Смотри, ты должен говорить ее, не смешивая с ложью, не умалчивая чего-либо из того, что произошло, а прямо говорить то, что ты знаешь по этому делу». Снова свидетель подтверждал, говоря: «Я действительно так обещаю». После этого под залог его обещания [говорить правду] ему разрешали рассказать все, что он знал по делу, не перебивая, не выговаривая его [словами]: «Мы спрашиваем тебя не это, а другое», или иным путем. И, если рассматривалась ссора даже со смертельным случаем, они говорили, обращаясь к поссорившемуся: «Скажи ясно, что случилось при этой ссоре, не скрывая ничего из того, что сделал или сказал любой из поссорившихся»; и так же говорили свидетелю, [и], таким образом, обе

[9] 1 Косой («андреевский») крест был у инков символом божества, помогавшего при родах и защищавшего от ночных привидений, как сообщает хронист Мартин де Моруа.

стороны рассказывали то, что знали в пользу или против [провинившихся]. Свидетель не отваживался лгать, ибо, помимо того, что те люди были очень боязливыми и религиозными в своем идолопоклонстве, они знали, что ложь их будет проверена и они будут очень строго наказаны, часто даже смертью, если случай был тяжелым, и не столько за вред, который нанесли своими показаниями, сколько за то, что налгали инке, чем нарушили его королевский указ, приказывавший им не лгать. Свидетель знал, что, разговаривая с любым судьей, он говорил [как бы] с самим инкой, которому поклонялся как богу; [инка] вызывал у них, помимо прочего, высшее почтение, которое не давало им лгать в своих показаниях (dichos).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.